

ВЕЗИРИ
ИЛИ
ОЧАРОВАННЫЙ
ЛАВИРИНӨЪ.

ПОВѢСТЬ ВОСТОЧНАЯ

ЧАСТЬ II.

Переведена ВАСИЛЬЕМЪ ЛЕВШИНЫМЪ.

въ Москвѣ

Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова.

1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Везири или Очарованный Лавиринөъ, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ, почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Советникъ, Краснорѣчій Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ВЕЗИРИ
ИЛИ
ОЧАРОВАННЫЙ
ЛАВИРИНӨЪ.

Законы гостепріимства содержатся въ такой чести отъ Азіатскихъ народовъ, что Сагебъ не могъ, не взирая на почтеніе къ посланнику премудраго, оправдать слова его къ Цериру; но узнавъ, по чьему приказанію онъ такъ говорилъ, объялся скорбію по мѣрѣ преизящнаго своего сердца, и во уединенные часы ночи упражнялся разсужденіями, каковыми бы средствами отвратить злосчастіе отъ своего любезнаго гостя.

Царевичъ между тѣмъ при самыхъ грозимыхъ ему нещастіяхъ былъ не очень безпокоенъ. Сколь ни былъ гордъ и вспыльчивъ правъ его, столькожъ былъ онъ и великодушень; онъ самъ призналъ проступокъ свой, въ который, не успѣвъ одуматься, едва опять не впалъ; укорялъ себя въ поступкѣ противу невольника, и считалъ слова свои за пустой звукъ

чувствительности, кою не могъ признать неприличною. Что найдетъ онъ Перизаду, составляло надежду, довольно пріятную его желаніямъ; что жъ найдетъ ее скоро, не смѣла вѣрить тому любовь его.

По сему ни чуть не безпокоился онъ заботами о самомъ себѣ, но занимался только повѣствованіемъ Сагеба, коего добродѣтели приводили его во удивленіе, а при томъ умножалось нѣжное участіе его любопытства, каковымъ образомъ толь темная связь судебъ разрѣшилась.

Едва только все оживляющій день насталь, Сагебъ и Цериръ побуждаемые склонностію взаимныхъ намѣреній сошлись въ сѣни на холмѣ находящейся. Тамъ привѣтствовали они себя пріятною улыбкою встречающей радости, сѣли на краю источника, и Сагебъ по прозбѣ Церира началъ.

Продолженіе повѣствованія.

Дошедъ къ высочайшей степени отчаянія, и повидимому лежа бездыханенъ въ той пустынѣ, получилъ я помощь покаянную отъ вѣчно бодрствующаго Провидѣнія въ таковомъ мѣстѣ, гдѣ всего меньше я оныя ожидалъ. Заключи о моемъ изумленіи, Царевичъ, когда я пришедъ въ себя, нашелся въ рукахъ Ааровыхъ. Я отпрянулъ и вскричалъ:

О правосудное небо! ты возвращаешь мнѣ силы, наказавъ того, которымъ безъ сумнѣнія лишенъ я всего дражайшаго. Скажи, злый челоуѣкъ, продолжалъ я, гдѣ Морадъ, гдѣ Сафира, и умерщвленная Гульруца?

Пронзительный вопль былъ первый отвѣтъ Азаровъ; онъ взглянулъ на меня боязненно, и дрожащимъ голосомъ говорилъ послѣ:

Пощади, о! пощади меня, страшный производитель достойнаго моего приговора, мститель оскорбленныхъ мертвыхъ.-- Но нѣтъ! есть ли посланъ ты Гулруцею, возми твою жертву, призови всѣхъ прочихъ духовъ тьмы, и повѣли мое преступническое сердце разорвать въ части - - - за чѣмъ стоишь ты такъ недвижимъ? - - то долженъ я собственною рукою пролить кровь мою.- -

Съ словомъ симъ бѣшенный Азаръ выхватилъ кинжалъ мой, и пронзилъ бы грудь себѣ, естлибъ не воспрепятствовали ему въ томъ два невольника. Послѣ сего пришелъ онъ въ толь жалостное безуміе, что гнѣвъ мой уступилъ состраданію, и я помогаль невольникамъ въ ихъ справедливыхъ попеченіяхъ.

Га конецъ успокоился онъ, глядѣль на меня пристально и сказалъ:

Сего много, великодушный Сагебъ! твоя незаслуженная мною милость побѣждаетъ меня. Хотя всемогущій и наказываетъ меня лишеніемъ моего разума, но ты обязанъ мстить мнѣ за различныя бѣды мною тебѣ приключенныя. О естлибъ былъ я въ состояніи, выполнить часть оныхъ, и показать тебѣ къ тому средства!

Слова утѣшенія, внушенныя мнѣ болѣе человѣколюбіемъ, чѣмъ надеждою, успокоили совершенно несчастнаго Азара, и продолжалъ онъ сіе:

Отъ Сафиры узналъ, надѣюсь, ты, какъ мечъ казни висѣвшій надъ моею годовою, и который я презиралъ, упалъ на меня. Я не былъ въ состояніи пренести взоръ на уязвленную сестру мою, я убѣждалъ отъ глазъ ея, и проклиналъ Арденана, Зороастра и себя.

Я далъ свободу невольникамъ моимъ и приказалъ мнѣ ясно оставить, твердо заключа, удалишься въ сѣнь сію, въ которой жилъ я въ покоѣ и удовольствіи, до встрѣчи съ Зороастромъ на пути, несчастнымъ случаемъ тогда мною предпріятомъ.

Опасаясь, чтобъ не преслѣдовали меня и въ семъ желаемомъ иною гробѣ, странствовалъ нѣкоторое время по лѣсамъ. За двои сутки предъ симъ, когда я легъ на суровой постелѣ изъ листвей древесныхъ, услышалъ я шорохъ двухъ идущихъ людей, кои въ нѣсколькихъ отъ меня шагахъ сѣли.

Здѣсь должно намъ остановиться, сказалъ одинъ изъ нихъ; въ сей страшной пустынѣ не проберемся мы далѣе; однакожъ мы довольно удалились отъ послѣдующихъ за тобою, излей сердце твое предъ твоимъ другомъ; звонъ повѣренности не пронесется здѣсь въ зложелательные ушеса.

О Ардеванъ, сказалъ Зороастръ, Ибо онъ былъ тотъ, къ коему говорено было, коль тяжекъ трудъ, властвовать надъ духомъ человѣческимъ, или обманывать оный! Когда слабость разсудка во многихъ послѣ легковѣрія наполняетъ снопами развращенія, тогда вѣтръ непостоянства уноситъ часто лучшій удѣлъ жатвы, и несчастный вредотерпецъ принуждается принимать веселый видъ, во время, какъ тяжелое облако смятенія обременяетъ чело его.

Ты не вѣдаешь, сколь больше я опечаленъ оставленіемъ Азаровымъ, чѣмъ противною вѣстію доставленною мнѣ тобою о Нецдѣ {*Нецдѣ городъ въ провинція Персидѣ или по нарѣчію Азіатцовъ, Персистанѣ. Оный прославился тѣмъ, что Зороастръ положилъ тамъ основаніе своей сектѣ, построить первое свое капище.*}. Какъ по возвращеніи твоёмъ приказалъ я тебѣ провождать его въ несчастную погоню, на коей я онаго лишился, то не можешь вообразить, каковое искусное орудіе былъ онъ для моихъ намѣреній: душа его исполненная тяжкомыслія дѣлала его способнымъ для всѣхъ отчаянныхъ предпріятій, и какъ ты можешь представить, чтобы мщеніе Гулруцѣ и Сафирѣ, коимъ лстилъ ты мнѣ, могло наградить уронъ таковой.

Можетъ еще возвратится онъ просящій милости къ ногамъ твоимъ, отвѣтствовалъ Ардеванъ. Скорбь его, или лучше сказать, безуміе, когда увидѣлъ онъ дерзкую сестру свою пораженну собственною рукою, была только слабость, которая вскорѣ уступитъ силѣ вкорененнаго предразсудка.

Какъ обманывается ты въ мысляхъ своихъ, противурекъ Зороастрѣ. Правда: видъ дражайшей люто пролитой крови не можетъ тронуть сердца заблуждшаго. Когда повелѣваетъ слѣпая ревность, то вонзаетъ убійственный кинжалъ въ грудь сына родитель; мать терзаетъ плодъ чрева своего; братъ

предаеть дѣвицу сестру свою, простирающую въ нему невинныя руки, прося о защищеніи; и всѣ союзы родства пресѣкаются: но коль скоро природа возвращаетъ свои права, когда лишь шаткій духъ допустить входъ лучу разума.

Азарова вѣра во первыхъ учинена нерѣшимую чрезъ мнимое наказаніе Сагеба и Морада, ибо онъ здѣлалъ мудрое заключеніе, что имѣющій во власти помощь чрезъестественную, не можетъ принимать средства употребляемыя къ обману зрителей.

Хотя между тѣмъ страсти любви и мщенія прогоняли лучъ разума, который, какъ примѣтилъ я, проникалъ его мысли, но сіе не всегда продолжалось рука ужаса начертала сумнѣніе и угрызения совѣсти въ сердцѣ его, когда посреди нашего моленія обожаемый огонь отразилъ страшную свою искру, и блистающая молнія съ ужаснымъ трескомъ грома трепетное западеніе умножили новою боязнію и опасностію.

Должно признаться, Ардеванъ, что душа моя дрожала, слыша про сіе страшное приключеніе, и мнѣ неудивительно, естли Азаръ счелъ то за знакъ божія гнѣва.

Такое заключеніе слабыхъ и гордыхъ человѣкъ, отвѣчалъ Зороастръ, когда встрѣтятся имъ необыкновенныя хотя естественныя случаи ко оправданію незнанія своего и робости, выдумали они существо, коему приписываютъ таковыя недостойныя упражненія, будто бы оно и за малѣйшими ихъ дѣянiami назираеть; но естли бы такое существо было, какъ бы ему отважныхъ и хитрыхъ, оковывающихъ малыя души, ко насыщенію жаждности своей къ славѣ, не считать коварными пауками, запутывающими неосторожныхъ насѣкомыхъ въ сѣти свои ко утоленію голода?

При сихъ безбожныхъ словахъ пенящіяся волны гнѣва моего, моего негодованья и стыда, прорвали оплотъ разумной предосторожности, возложенной необходимостію, вывѣдать вредныя тайны обманщика. Я вскочилъ подобно змѣѣ, удержавшей на долго грозное свое сипеніе, и надмѣвающейся яростію вонзить жало свое въ стрегомую добычу. Но горячность моей запальчивости была причиною неудачи въ моемъ намѣреніи. Зороастръ слышалъ топотомъ поспѣшныхъ шаговъ моихъ, и какъ мракъ ночной уже раздѣлился, то увидѣлъ онъ меня прежде нежели могъ я достать въ вѣроломное его сердце.

Робкій вопль его разбудилъ невольниковъ, кои въ мгновеніе меня окружили; но они доставили мнѣ заступленіе великодушнаго Морада, котораго довольные дѣйствіемъ моимъ взгляды возбудили смѣлость мою, между тѣмъ, какъ храбрость его отверзала до меня путь.

Мы дрались, какъ отважные львы противу лукавыхъ Тигровъ, для того наше явное нападеніе остановлено предательскими хитростями. Морадъ палъ отъ кинжала безпутнаго Ардевана бывъ проколонтъ съ зади; а меня

повергъ каменный градъ, коимъ осыпали голову мою Зороастровы невольники, залезши на деревья, дабы безопаснѣе дѣйствовать симъ постыднымъ оружіемъ.

По нѣсколькихъ часахъ получа употребленіе чувствъ, увидѣлъ я себя только окружаема побитыми или умирающими изъ обоихъ сторонъ.

Въ безмѣрности скорби и благодарности обнялъ я бездыханнаго Морада, и почувствовалъ, что сердце въ немъ еще билось. Я завязалъ въ то мгновеніе его рану, обвилъ его моимъ кафтаномъ, и принесъ въ сей шатерьъ.

Не буду рассказывать о Сафириномъ при взорѣ на меня ужасѣ, равно и о моемъ собственномъ изумленіи; нашедъ пустыню мою занята толь милыми непріятелями, едва могли мы сообщить другъ другу о нашихъ намѣреніяхъ; всѣ примѣчаніе наше обращено было на Морада, который по щастію могъ быть пользованъ лѣкаремъ приведеннымъ для Гулруцы.

Когда сей искусный человекъ совершилъ свои дѣла, подалъ намъ надежду: привлекла меня должность и любовь къ моей оскорбленной сестрѣ, кою Сафира приуготовила къ моему принятію.

Я палъ на коленахъ съ бокъ постели, и со многими воздыханіями просилъ прощенія, но она перебила слова мои, просила сама онагожъ, и сказала, что еслибъ она видала меня близъ Ардевана, котораго подлость ей была свѣдома, то больше бы старалась привести меня въ раскаяніе, чѣмъ толь несчастную начать драку.

Открытая ласковость и печальное состояніе, въ которомъ я ее видѣлъ, пронзили мое сердце; съ смиреніемъ разсуждалъ я, о праведныхъ допущеніяхъ казнящаго меня неба, повелѣвшаго мнѣ въ моемъ уединенномъ жилищѣ, найти предметъ долженствующій меня лишить на вѣкъ покоя.

Между тѣмъ Морадъ пришелъ въ себя, и рана его найдена безопасною. Я пошелъ къ нему, и объявилъ, съ кѣмъ дѣлится онъ сіе убѣжище. Онъ оказалъ сердечное желаніе видѣть Гулруцу, но отложилъ то удовольствіе, по коль по повелѣнію Сафиры сыщутъ тебя невольники.

Какъ Гулруца имѣла толикоежъ желаніе къ сему свиданію, то удовольствовались мы ихъ волѣ, но ихъ! плачевное удовлетвореніе! исполнившее чашу моей казни.

Гулруца лишь усмотрѣла особу, толь нѣжно ею любимую, бледну и окровавленную, возвела она просящія очи къ небесамъ, потомъ обратила ихъ въ безмолвномъ выраженіи скорьби и раскаянія, которыхъ изображеніе могло бы и камни тронуть, на него. Морадъ былъ тѣмъ пронзенъ. Не сѣтуй о нещастіи нашемъ, любезнѣйшая Гулруца, сказалъ онъ, сердце мое того причиною, что возмутилось оно такъ сурово противу своего владѣтеля; но прими мое раскаяніе, и съ сими обѣтями вѣрность мою. Сказавъ сіе, старался онъ въ ней приполсти, но она упредила, бросаясь въ его руки. Онъ прижавъ ее къ груди, на которую она положила голову, скончалась.

Рана ея отверзлась въ то мгновеніе, и оросила меня кровію, равно какъ бы укоряя меня за свирепое оныя пролитіе. Весь трепеть, все замѣшательство, провожаемое мгновеніемъ, въ кое природа наша разрѣшается, овладѣли разсыпанной моей душою. Я выбѣжалъ изъ шатра, и выль по лѣсамъ подобно лвицѣ, лишившейся щенятъ своихъ, и опровергающей попадающіяся ей на пути деревья.

Изступленіе мое продолжалось, поколь изчерпались жизненные во мнѣ духи, но оно получило прежнюю силу, когда встрѣтился я съ двумя моими отпущенными невольниками, которые возвѣстили мнѣ, что Зороастръ съ позорною своею толпой, увезъ тѣло Гулруцы, съ Морадомъ и Сафирой на своихъ верблюдахъ.

Я не вѣрилъ имъ, и хотѣлъ наказать за приумноженіе моихъ скорбей, но они укрылись бѣгствомъ отъ моей ярости. Въ сіе мгновеніе увидѣлъ я стояшаго предо мною почтеннаго старца, который мнѣ говорилъ.

Возврати твоихъ вѣрныхъ невольниковъ, и иди въ свою пустыньку: тамъ найдешь ты человѣка, столькожъ ненастнаго, какъ и самъ ты. Вели ему проводить себя къ мудрому Локману, гдѣ оба вы обретете покой свой.

Повиновался я сему предложенію; невольники мои по любви ко мнѣ не съ лишкомъ удалившіеся, не раздумали послѣдовать за мной. Ты вѣдаешь, какъ я нашель тебя, и воззвалъ отъ преддверія смерти; но твои гнѣвные взгляды и слова, повергли меня въ прежнее ума изступленіе, отъ коего не надѣюсь избавиться, по коль исполню данное мнѣ повелѣніе.

Когда кончилъ Азаръ свое жалостное разсказываніе, долго не отвѣтствовавъ я ему ни слова. На послѣдокъ вспомня, что слова лишенныхъ разума, суть не посредственное вліяніе божества, получилъ надежду, что сказанное Азаромъ явленіе, должно быть знакъ Локманова покровительства, и вознамѣрился вести его въ Іемень.

Но какое различіе обрѣлъ я между толь печальнаго путешествія и того, кое уповалъ имѣть въ обществѣ Морада и Сафиры. вмѣсто обильныхъ любовію и дружествомъ разговоровъ, предоставленъ былъ я ежедневно изступленіямъ безумнаго, къ которому влекло меня только человѣколюбіе; вмѣсто восхитительныхъ надеждъ байскаго щастія, томилось сердце мое заботами, страхомъ и горестію. Между тѣмъ признавалъ я, что заслужилъ таковое страданіе, оставя въ упоенныя любовію часы моего друга опасности.

И такъ прибылъ я въ Іемень. - - - съ тѣломъ изнуреннымъ отягощеніями; но съ духомъ утѣшеннымъ умѣренностію.

Локманъ принялъ меня съ обыкновеннымъ своимъ дружествомъ, и слушалъ повѣсть страданія моего съ сожалительнымъ благоволеніемъ; но отложилъ утѣшеніе, мною отъ него чаемое, до приближающагося опыта Лавиринѣнаго, къ которому допущенъ былъ я съ Азаромъ, коему мудрый помогъ приттить въ разумъ.

На послѣдовавшее за тѣмъ, принужденъ я возложить покровъ молчанія, ибо описать то я не въ состояніи. Я не могу лучше изъясниться, какъ только скажу тебѣ, что я нашель Сафиру, Морада и Гулруцу въ сѣни правды.

Локманъ былъ доволенъ цвѣтами корзинокъ нашихъ, будущія судьба наша долженствовала быть счастлива. Онъ соединилъ Морада съ великодушною Гулруцою, а я овладѣлъ любви достойною Сафирою. Онъ обременилъ насъ дарами своей щедрости, между коими находились драгоценныя палаты въ городѣ Аденѣ, и сія пріятная деревенька.

Мы обитаемъ въ мѣстахъ сихъ по перемѣнно, и благоденствіе наше часто возвышается отъ воспоминанія прешедшихъ злоключеній.

Морадъ разсказалъ мнѣ, что когда онъ похищенъ былъ Зороастромъ изъ шатра, освобожденъ изъ рукъ его Фируцкаемъ, встрѣтившимся съ нимъ на пути въ многочисленномъ вооруженіи. Сей достойный повѣренный премудраго слѣдовалъ за мною по всѣмъ шагамъ моимъ, замѣтилъ дѣла мои въ Туранѣ, и очерненную измѣну Королевы; узнавъ, что Гулруца впала въ жестокой обморокъ, и возвратилъ ее къ жизни, словомъ, повелѣлъ Азару возвратиться въ пустыньку, и сказать мнѣ о слѣдованіи съ нимъ въ Іемень, дабы я чрезъ то трудное исправленіе наказанъ былъ за неосторожность въ исполненіи долга дружескаго. Гулруца съ своей стороны увѣдомила меня, что какъ не желала она, чтобъ кто страдалъ за ея погрѣшности, то испросила прощеніе Маанѣ, которая не зная о союзѣ брата ея съ Зороастромъ, показала ему полную тайну изобрѣтенныхъ хитростей замка, изъ чего сдѣлано таковое злоупотребленіе.

Чтожъ послѣдовало съ несчастнымъ Азаромъ? сказалъ Церирь.

Вмѣсто чтобъ мудрый позволилъ ему возвратиться въ свое уединеніе, отвѣчалъ Сагебъ, онъ искалъ свободить его отъ опасной задумчивости, и на сей конецъ возложилъ ему должность принимать особъ удостоеваемыхъ отмѣнной благосклонности входа въ Лавиринѣ, и ты имѣлъ опытъ, коль хорошо исправляетъ онъ сіе возложеніе.

А! вскричалъ Царевичъ, такъ онъ то почтенный хозяинъ Каравансарая, въ которомъ покоились мы послѣ изнеможенія нашего въ лѣсахъ? Сей то Азаръ, имѣвшій толь превратныя склонности? Тако можетъ искусная рука бѣдному произрастенію сообщить цѣльбоносное дѣйствіе! но гдѣ Морадъ? онъ, котораго совершенства были дарованія природы. Я очень желалъ бы видѣть сего полнаго заслугъ друга Сагебова.

Уже десятикратно весенняя теплота оживляла землю, говорилъ Сагебъ, какъ хладный снѣгъ отсутствія покрываетъ дружество, но вскорѣ растопятъ оный лучи соединенія: Локманъ послалъ Морада къ Афрасіабу, заступитъ мѣсто умершаго Везиря, и невольникъ премудраго донесъ мнѣ повелѣніе, совершить предпріятую мною ѣзду въ Туранъ.

Поѣдемъ сей часъ вопіялъ Церирь; каждое мгновеніе, отъемлемое у званія должности можетъ намъ стоить года заботы и безпокойствъ. Необузданныя

волны моихъ страстей утишились въ морѣ моего разсужденія, и оное будетъ отсѣлъ колебаться только кроткимъ вѣтромъ подражанія твоимъ добродѣтелямъ.

Какъ Сагебъ приуготовленъ уже былъ къ оставленію Іемена, и простился съ своими оставшимися въ полатахъ Аденскихъ, то не замедлился Цериръ въ мученіяхъ нетерпѣливости. По нѣсколькихъ дняхъ отъѣхали они въ ясностію вливаемою добрымъ намѣреніемъ, на концѣ Малаго Каравана, снабженнаго всѣми выгодами къ путешествію.

Не дорогъ ихъ въ Зеленому морю, часто освѣдомлялся Царевичъ, но тщетно о Гистаспѣ. Раждались въ немъ разныя сумнѣнія, и говорилъ онъ Сагебу:

Конечно разбойники обманули возлюбленнаго брата моего, для того по всему пути не находимъ мы о немъ никакова слѣда, и невозможно, чтобъ удалились они далѣе Герата. можетъ быть оставляю я дражайшаго Гистаспа въ глубинѣ отчаянія позади меня, когда я гонимый жестокою надеждою, въ передъ спѣшу.

Я не опорочиваю твоего страха, отвѣчалъ Сагебъ; но чтобы нѣсколько тебя успокоить, вѣдай, что сіи бродящія по слѣдамъ злобы, собираются толпами, состоящими отъ части изъ обывателей Дагхестана и Ширгана, *{Дагхестанъ есть древняя Алванія, Ширванъ имѣетъ гавань на Каспійскомъ морѣ, очень часто посѣщаемую Россіянами. Главный въ ней городокъ Дервентъ назывался въ древности врата Каспійскаго моря, Calpiae Portae.}* частію жъ Гаяцкихъ и Хаіарскихъ *{Пустая и каменистая Аравія}*.

Сходство суровыхъ ихъ отечествъ производитъ въ нихъ подобную дикость. Сіе соединяетъ ихъ не взирая на дальное разстояніе: они заключили ненависти достойный союзъ противу прочей части человѣческаго рода. Но хотя они для добычи шатаясь по лучшимъ странамъ Азіи, часто поступаютъ варварски съ тѣми впадающими въ ихъ руки, кои не могутъ удовольствоваться ихъ корыстолюбіемъ, но обѣщаніе своимъ пленникамъ содержать вѣрно. Добычу съ земляками своими раздѣляютъ исправно, и посѣщаютъ ихъ въ нѣкоторое время. По сему легко быть можетъ, что они на пути въ Дагестанъ заѣдутъ въ Гератъ, гдѣ они, равно какъ въ каждомъ большемъ городѣ, имѣютъ вѣрныхъ сообщниковъ: ибо они производятъ свой преступный торгъ съ великимъ порядкомъ.

Но какъ смотрятъ законы на такую мерзость сквозь пальцы? вскричалъ Цериръ; можетъ ли по терпѣть добрый и Великій Логоразвъ? Онъ, коего имени трепещутъ толь многіе народы, коего престоль осѣняетъ полсвѣта? Зачѣмъ не исторгаетъ онъ мечъ мщенія противу сихъ хищныхъ волковъ и корыстолюбивыхъ псовъ, предающихъ его государство вмѣсто охраненія, и кои, влекомые корыстію, живутъ въ сообществѣ съ разбойниками?

Хотя Монархъ свѣта, противу рекъ Сагебъ, безпрестанно міръ обтекаетъ, чтобы обозрѣть цѣлый земный шаръ, и каждый изъ двѣнадцати небесныхъ

домовъ занимаетъ, и учреждаетъ въ нихъ содержаніе свѣта въ каждое время года; но есть многіе углы на земли, коихъ оживляющія лучи его не проникаютъ. И какъ можетъ человѣкъ, имѣющій зрѣніе ограниченное, коль бы состояніе его ни возвышалось, вывѣдать съ факеломъ правосудія всѣ мрачные вертепы злости и обмана? Нѣтъ! чемъ больше зрѣніе его должно расширяться, тѣмъ запутаннѣе впадаютъ предметы въ очеса его. И слѣдственно когда онъ проникающими взорами честолюбія каждую точку нашего полушара разобрать тщится: то не видитъ низкаго крота, копающаго подъ ногами его свою мрачную пещеру, и подрывающаго сѣдалище славы его.

О! я понимаю, сказалъ Цериръ, счастье и несчастье Государей, понимаю оное довольно, какъ утверждается оно ка выборъ мужа, коему ввѣряется сила онаго и охраненіе. Для сего по желалъ бы я въ палатахъ Локмановыхъ, получить добраго Везиря. Я счелъ бы желаніе сіе исполненнымъ, еслибъ получилъ Сагеба въ семь неоцѣненномъ другъ, еслии взойду когда на назначенный мнѣ отъ родителя престолъ Карецмскій {*Карезмъ древняя земля Хоразму, лежащая по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Геона и Окса.*}. Тогдабъ безопасенъ былъ я, чтобъ дерзкіе злодѣи не похищали у подданныхъ моихъ вольности или имѣнія, ниже подлые лицемѣры вводили ихъ въ суевѣріе.

Ты больше меня разумѣешь, отвѣчалъ Сагебъ, нежели заслуживаютъ моя способности. Между тѣмъ, хотя недостойная толпа безпрестанно тщится, вскарабкаться на сіяющую, однакожъ разсѣдающуюся гору высочества, и все въ низу находящееся подавить; но добронамѣренный мужъ не долженъ презирать возвышеннаго званія, еслии и презираетъ оное вѣдая ложность его сіянія и дѣйствительную опасность: ибо, нежелающій жертвовать собственнымъ покоемъ въ пользу человѣческаго общества, не заслуживаетъ отъ онаго защиты.

При всеѣ томъ доброта правленія, не токмо въ рукахъ хорошаго Везиря, но и у преизряднѣйшаго Государя не можетъ быть удачна, еслии владѣнія его очень пространны: понеже, когда Монархъ презирается за безпечность свою, въ случай молчанія къ нападеніямъ слабѣйшаго своего сосѣда; то съ другой стороны собственные подданные его дѣлаются возмутительны и неукротимы, буде при частыхъ побѣдахъ не упоить ихъ опаснымъ виномъ добрыхъ удачи.

Счастливъ потому Монархъ, коего области имѣютъ такія тѣсныя предѣлы, что осторожность его не можетъ быть занимаема, охраняючи неизмѣримый удѣлъ земли вмѣсто того, что ввѣрять таковое попеченіе людямъ частнымъ. Счастливъ тотъ, который подобно родителю многочисленныхъ чадъ, около престола своего, подпираемаго любовію и почтеніемъ, себя видитъ.

Какъ въ случаѣ семъ, такъ сказать, подданные его всѣ на глазахъ, то находить онъ многообразныя случаи, обнадежить себя ихъ склонностію, и собрать отъ нихъ сокровища истиннаго своего благополучія, не опасаясь,

чтобы сіи рудники праведныхъ богатствъ изчерпались, когда цѣна ихъ меньше знаема, чтобъ оной можно было завидовать, и слѣдственно вооружилабъ жадное корыстолюбіе съ мечемъ насилія, или своекорыстный обманъ съ ядомъ предательства.

Такое желанія достойное состояніе можетъ быть участію твоею, о Царевичь! когда возвладѣешь ты плодоноснымъ, хотя необширнымъ Королевствомъ Карецмомъ, и могу ли я попротивиться, возрѣть на освященную и возлюбленную главу твою, увѣнчанную толикими благословеніями? Не долженъ ли бы я гордиться доставя тебѣ оныя?

Цериръ такъ объять былъ любви достойнымъ своимъ спутникомъ, что не ощущуалъ тяготы пути, и не больше взиралъ въ послѣдства его, какъ опасаясь дня разлученія. Сягебъ помышлялъ о необходимости сего несчастнаго мгновенія съ неменьшимъ неудовольствіемъ, потому что несказанно утѣшался желаніемъ, съ каковымъ сей юный Царевичъ внималъ свои наставленія.

Въ сихъ разсужденіяхъ достигли они уже до предѣловъ пустаго Нубѣйдигана, какъ видъ прекрасной долины привлекъ ихъ примѣчаніе. Они спѣшили къ оному обворожающему мѣсту, чтобы насладиться при источникѣ свѣжимъ воздухомъ вечерняго вѣтерка; шатры развиты были между безчисленнаго множеству зрѣлыхъ плодовъ и развернувшихся цвѣтовъ, и они сѣли за трапезу радости.

Во время, какъ подобно жемчугу катящееся вино Шираское, разводимо было разговорами премудрости; возмутилъ оное голось, повторительно возгласившій: Перизада любить Церира.

Царевичъ услыша сіи пріятныя слова не ожидаемо, вскочилъ съ своего мѣста, побѣжалъ къ дереву, на которомъ увидѣлъ пригожаго попугая, и старался онаго поймать, но испужанная птица, крича: я иду въ Перизадѣ, перелетала съ дерева на дерево. Цериръ гонялся за нею, и замкнулъ, въ восхищеніи радости и надежды, очи свои отъ опасностей наступающей ночи, и уши къ прозѣбѣ своего друга.

Сягебъ слѣдовалъ нѣсколько по стопамъ Царевича, но сей отчасу удалялся отъ него, и позналъ, что ревность лѣтѣ зрѣлыхъ не можетъ дѣлать равныхъ шаговъ съ крылатою дерзостію юношества.

На конецъ задохнувшись остался онъ лежащъ на терніяхъ юношества, но безпрестанно надѣясь, что кому либо изъ невольниковъ его лучше удастся; но они ожиданіямъ его не удовлетворили; темнота обманула ихъ, и они бродили еще по долинѣ, когда Царевичъ давно былъ уже въ пустынѣ.

Между тѣмъ Цериръ рыскалъ, какъ быстрая Антилопа {*Антилопа есть прекрасный звѣрь, тѣло его тонко, поворотливо, и глаза чрезмѣрно велики и черны.*}, по лѣсамъ и кустарникамъ по пути, ведущему его на голось птицы, и не остановилъ бѣгъ свой, пока искушающій его проводникъ замолкъ, и чаятельно на вѣтвіяхъ принялъ успокоеніе.

Въ томъ какъ нетерпѣливымъ окомъ ждалъ онъ возвращенія солнечнаго свѣта, тронули слухъ его слѣдующія слова:

О безразсудный неистовый Гіамасбъ, могъ ли ты такъ меня оставить? Милѣе ли тебѣ брата овладѣвшій твоимъ правомъ? - - - За чѣмъ не оставилъ ты лучше Гистаспа въ рукахъ разбойниковъ - - чѣмъ предоставить меня мученіямъ безвременной смерти, кою навлекаетъ мнѣ твоя зло употребленная добродѣтель - - Сіе - - - есть ненавистная, неслыханная лютость.

По сихъ прерываемыхъ возгласеніяхъ слѣдовалъ глубокой вздохъ. Цериръ бросился къ мѣсту, откуда происходили сіи печальные звоны, и при свѣтѣ начинающейся зори, увидѣлъ несчастнаго Кобада въ рукахъ своихъ невольниковъ, бесполезно тщащихся унять кровь его.

Великодушное сердце забыло всѣ прежнія оскорбленія; оно разтаяло при плачевномъ видѣ, онъ палъ на колена близъ умирающаго Кобада, который возведя на него взоры, сказалъ:

Виждь, Царевичъ, сына прославившагося Калхозру, вмѣсто того, чтобы сидѣлъ онъ на многихъ престолахъ завоеванныхъ своимъ родителемъ, лѣжащаго простерта въ пыли, лишеныя всякой человѣческой помощи, опредѣленна испустить духъ въ печальной пустынѣ; прими изъ сего полезное ученіе: что никто не безопасенъ отъ ударовъ непостояннаго счастья - - Я получилъ сіи раны, желая похитить Гистаспа изъ рукъ разбойничьихъ, коихъ братъ мой еще преслѣдуетъ изъ благодарности, изъ чести, изъ собственной пользы пожалуй мнѣ приличный гробъ - - не оставь тѣло мое въ добычу лютымъ звѣрямъ - - Небо поможешь тебѣ, естли и ты будешь въ подобныхъ обстоятельствахъ, получить разную услугу отъ своего непріятеля.

По сихъ невразумительныхъ словахъ Кобада не говорилъ больше, и съ гнѣвнымъ и отчаяннымъ видомъ испустилъ дыханіе.

Цериръ посвятилъ несчастной судьбѣ его чистосердечныя слезы, обратился къ его невольникамъ, далъ имъ нѣсколько драгоценностей, приказывая:

Возмите сіе, отвезите тѣло господина вашего въ ближній городъ, и погребите его съ честію, приличною его достоинству.

На повеленіе сіе дрожавшіе невольники бросились къ ногамъ Церировымъ, и сказали:

Что сдѣлали мы, и чѣмъ оскорбили нашего государя, что посылаетъ онъ насъ встрѣчу неминуемой и жестокой казни? Ибо конечно подумаютъ, что мы умертвили нашего Принца, и лютыми мученіями принудятъ насъ истинну, которой не повѣрятъ, обрामить въ ложный доносъ и самихъ насъ.

Отъ такового представленія позадумался Цериръ на нѣсколько минутъ, размышляя, каковымъ средствомъ удовлетворить любви своей къ брату, и притомъ исполнить желаніе Кобада.

Какъ умъ его былъ въ полномъ колебаніи, подобно удержанному теченію рѣки, увидѣлъ онъ идущихъ къ себѣ двоихъ Сагемовыхъ служителей; онъ спѣшилъ къ нимъ встрѣчу и кричалъ:

Ахъ друзья мои! вы къ стати пришли. Конечно судьба послала васъ въ сіи смятенныя обстоятельства; возвратитесь къ возлюбленному Сагебу, скажите ему, что я прошу прошенія въ видоподобной неблагодарности и дѣйствительной неразумности моего поступка; скажите ему, что я умоляю его, принять сихъ невольниковъ въ покровительство, кои оказали послѣднюю услугу двоюродному брату моему Кобадю. Скажи ему, что сей Принцъ убить, желая спасти брата моего въ крайнѣйшей опасности, и что я спѣшу по слѣдамъ оныхъ, избавить его, или отмстить.

Выговоривъ слова сіи, вскочилъ на коня Кобадова, и исчезъ изъ виду невольниковъ, кои возложили тѣло на оставшую лошадь, и прибыли къ Сагебу.

Сей преизящный мужъ произведя въ дѣйство прошеніе Церирова, спрашивалъ о дорогѣ, которую оно избралъ. Но узнавъ, что онъ не далъ себѣ и столько времени, чтобъ увѣдать отъ невольниковъ куды обратились разбойники, удивлялся его волненію, оплакивалъ несчастіе грядущее такому сложенію, дружескимъ сердцемъ, и продолжалъ путь ной.

Цериръ не прежде примѣтилъ проступокъ свой, какъ обезсилѣвъ отъ усталости спросилъ самъ себя, за чѣмъ онъ странствуетъ по пустынь? На послѣдокъ усмотрѣлъ онъ въ сторонѣ разсѣянныя хижинки, и направилъ туда путь свой.

Но всевидящая сила, недѣлающая между слабостію и превратностію человѣческой природы различія, направила стопы добраго, хотя послѣшнаго Царевича прямо въ то мѣсто, гдѣ разбойники дрались съ Гиямасбомъ и Кобадомъ.

Сошедъ съ коня, нашелъ онъ жителей сей малой деревеньки округъ челоуѣка, который не взирая на жестокія раны свои, не хотѣлъ сдаться, и всѣмъ имъ грозилъ погибелію. Узнавъ, что сей одинъ изъ разбойниковъ, устремился онъ на него, и остріемъ сабли отдѣлилъ прочь дерзкую руку: потомъ приказалъ ему, сказать, гдѣ Гистаспъ. Пѣнящійся разбойникъ отвѣствовалъ: есть ли разумѣешь ты въ немъ лживаго Принца Иранскаго, который вмѣсто награжденія насъ, за подаренную ему жизнь, желалъ предать насъ казни; то надѣюсь, что злость его и власть скончаны; ибо незнакомый, коего неразуміе открыло намъ о его состояніи, довольно по счастію слабъ, отворатитъ кинжалы обнаженные на грудь его.

Церирова ярость отъ словъ сихъ была неизъясненна. Новымъ ударомъ страшнаго своего оружія отдѣлилъ онъ голову его отъ тѣла, но вскорѣ впалъ въ скорбь, и былъ равно какъ бы самъ подъявшій смерть сію; страхъ и отчаяніе изобразились на лицѣ его.

Какъ взоры его сердца всѣхъ зрителей наполнили ужасомъ, одинъ изъ поселянь говорилъ ему:

Утѣшся, Государь мой, и помысли, что словамъ злыхъ вѣрять не должно, а особливо, когда ярость наполняетъ ихъ ядомъ безбожія. Можетъ быть разумнѣе было бы, еслии не огорчать, а польстить разбойника - - - - между тѣмъ не допускай унынія въ духъ твой. Сожалѣніе о нещастіи моего Царевича не было праздно; я приказалъ сыну моему издали слѣдовать за непріятельскою толпою. Есть ли угодна тебѣ въ хижинѣ моей принять прохлажденіе, то по возвращеніи онаго лучше увѣдаетъ, которую предпріять тебѣ дорогу.

Цериръ схватилъ сію тѣнь надежды, и слѣдовалъ за поселяниномъ, котораго сынъ непродолжительно за тѣмъ принесъ извѣстіе, что разбойники продолжаютъ путь по большой дорогѣ въ Дагестанъ, что Тіамасба принудили остановить погоню, и Гистаспа оставили еще въ живыхъ.

Вѣрные земледѣльцы назвались Церира проводить. Онъ выбралъ изъ нихъ дватцать молодыхъ, способнѣйшихъ употреблять оружіе, и ѣхалъ съ ними въ погоню; имъ слѣдовало за ними пробираться запутанными дорогами въ пустыняхъ.

Нѣсколько времени обнадеживали его слухи, что онъ прямымъ за ними слѣдуетъ путемъ; но на конецъ увѣдомился, что они поворотили въ Карецмъ.

Сіе было пріятнѣйшее ему извѣстіе, потому что народъ Карецмскій былъ въ особенности Монарху своему преданъ. Онъ зналъ, что навѣрно найдетъ тамъ каждую руку готовую въ помощь, но рядъ неудачливыхъ ожиданій, опредѣленныхъ ему судьбою, не воспріялъ еще конца. Награницахъ сея пріятныя земли увѣдалъ онъ, что осторожные разбойники примѣшали подозрѣніе на себя отъ Карецмянъ. Почему раздѣлились ни малыя кучки, и прежде, нежели могли имъ сдѣлать принужденіе, поворотились въ узкія проходы горъ, ведущихъ къ Дагестану.

Цериръ не хотѣлъ открыть о себѣ, пока найдетъ своего брата, или совершенно отмститъ за него. Онъ довольствовался только, возвѣщать всюду опасность царевича Гистаспа, и намѣреніе свое поспѣшить ему въ помощь. Черезъ оное совокупилъ онъ малое отборное войско, которымъ опустошилъ Дагестанъ, и всѣхъ жителей, имѣвшихъ судьбу ему попасться, порубилъ.

Дикость далеко не есть истинная отважность, то и Дагестанцы не медленно обратили тылъ предъ лицомъ храбрости, коль ни смѣлы были они нападать на безоружную и ничего дурнаго нечающую безопасность. Они убѣжали въ свои крутыя горы, но Цериръ туда за ними слѣдуя, и невзирая ихъ займищи, прогналъ оныхъ въ отдаленнѣйшій уголъ Ширвана.

Хотя Сатрапы Карецма и другихъ смѣжныхъ земель Церира не знали; но соединились съ нимъ ко освобожденію Царевича и радовались тайно, что смѣлость молодого ироя сняла съ нихъ трудъ толь опаснаго предпріятія.

Между тѣмъ прошелъ цѣлый годъ, и Цериръ ни мало не провѣдалъ о Гистаспѣ. Каждый день замѣчалъ онъ дѣянїями, возвышеннаго позорища, нежели жилища разбойниковъ, каловаго достойны быть могутъ. Препятствїя ему встрѣчающїяся были, какъ вода на сильный огонь; вмѣсто заглушенїя жара его отважности, воспламенили они его намѣренїе, истребить обѣ казни достойныя страны, опустошающїя Азію, естли они въ покорности не возвратятъ Гистаспу свободу, и не обяжутъ жить въ предѣлахъ общества.

Но какъ предпріятія его не были написаны въ книгѣ судебъ: то превратились оныя нечаяннымъ случаемъ.

Находясь въ горахъ Ширванскихъ, услышалъ онъ, что безчисленное войско Туранцовъ перешло чрезъ Геонъ, и таковымъ нечаяннымъ вападенїемъ, грозило Хоразини совершенною погибелїю. Онъ удивился вѣсти сей, ибо по объявленїю Сагеба о Афрасїабѣ, думалъ, что неудобенъ оный поступить толь несправедливо и всего меньше почтенїе онаго къ добродѣтелямъ Логоразва могло дать мѣсто таковымъ помышленїямъ.

Неискусившїйся Царевичъ не вѣдалъ, коль часто Государи чрезъ льстивыя представленїя мнимаго оскорбленїя впутываются въ неприличныя войны: коль часто частная злоба и любостязанїе находятъ средства, вознестъ къ престолу ихъ гласъ слѣпо вольнующейся толпы, и принуждаютъ ихъ, предопредѣлить себя стыду пораженїя, или позору неправедно приобрѣтенныхъ выгодъ и дорого купленной побѣды. Между тѣмъ однако Афрасїабъ не подвергся симъ опасностямъ; смерть ввела уже его въ жилище вѣчнаго мира; и Аргїасбъ, преемникъ престола его, не наслѣдовалъ его добродѣтелей. Недоумѣнїе Церирово о причинѣ настоящей войны не продолжилось. Сатрапъ Карезмскїй пришелъ въ малочисленное его ополченїе, просилъ покорно скорѣйшаго выслушанїя, и получа то, говорилъ:

Великому Логоразву, владѣтелю свѣта, угодно было, вложить сіи освященныя слова во уста недостойнаго раба своего.

Я имѣлъ двоихъ сыновъ, цвѣвшихъ въ саду надежды, и сладкимъ благоуханїемъ добродѣтелей своихъ прохлаждавшихъ сердце мое, дабы не увяло оно подъ тяжестію времени. Жизнь единаго пресѣчена несчастнымъ образомъ серпомъ злобы; и естли я другаго не найду въ особѣ прославившагося ратника, который борется съ молвою, сокрыть имя свое въ замѣчанїи вѣчной похвалы: то гдѣ искать мнѣ моего Церира? Некогда предчувствующїй мой духъ не обманываетъ меня, поспѣши ты единое оставшееся мнѣ утѣшенїе, о! спѣши, присутствїемъ твоимъ доставишь

крѣпость ослабленнымъ старостію моимъ нервамъ; спѣши защитити престоль, который ты вскорѣ заступити.

Позволь мнѣ противу поставить тебя молодому Ирою, приводящему войска Аргіасбовы. Въ немъ найдешь ты противуборца, тебя достойнаго, который храбростію своею и совершенствами заслужилъ руку Принцессы Туранской, и съ нею право наслѣдства короны.

Я воспріялъ оружіе въ единое мое защищеніе, и справедливость съ стороны моей. Ибо когда великодушный Гіамасбъ на преди неустрашимаго собранія, настигъ мерзкихъ убійць Гистасповыхъ въ Туранской области, и нѣсколькихъ изъ нихъ наказаль: то не удовольствовались дозволя прибѣжище подлomu ихъ варварству, пришли сей должный поступокъ за нпнепріязнь невозражаемую, и дали повода древней вкорененной ненависти.

Небо! защити моего возлюбленнаго Церира, и укрѣпи крылы его должности, чтобы онъ благовременно могъ притити въ помощь отцу своему, государю, и своей имперіи.

На сію трoгающую важную рѣчь, преклонилъ Цериръ голову свою до земли, въ знакъ повиновенія и почитанія. Потомъ всталъ въ изступительномъ негодованіи, проклиналъ прежнія свои глупости, стоившія брату его жизни, коего рано времянную кончину заключилъ онъ мстити въ собственномъ преступавшемъ сердцѣ, потопя сперва всѣ Королевство Туранское моремъ крови, и воздвигнувъ на мѣстѣ, гдѣ узнаеть, умерщвленъ Гистаспъ, пирамиду изъ череповъ человѣческихъ.

Ярость его пребыла въ одинакой живости чрезъ весь путь до Герата, едва остановила оную любовь, когда нашелся онъ во объятіяхъ нѣжныхъ родителей своихъ. Облеченные отчаяніемъ очи его уяснились только отраженіемъ блеска оружія, когда прибыль онъ на поле славы.

Долго оба войска на супротивъ стояли; понеже Туринцы перешедъ Геонъ, окопались на берегу рѣки сея, и хотя число изъ было далеко сильнѣе, но дали сіяющему своему оружію впасть въ ржавчину не дѣятельности. Но когда Церировы грозныя копіи соединились съ Хоразанскими, и заслуженные ратники Ирайскіе имя возлюбленнаго Царевича своего промчали по воздуху радостными восклицаніями; тогда пробудились на ложѣ своемъ львы Туранскіе, и казались подобно сему свирѣпому звѣрю, какъ презираеть онъ слабого противника, и является исходящимъ только на равныхъ себѣ крѣпостію.

Цериръ видитъ приближеніе гнущаемаго непріятели, храбрость его течеть подобно бодрому коню. Онъ поставляетъ воинство свое въ устрой ратный, и выступаетъ главою перваго ряда, чтобы вести оный въ желаемую опасность.

Въ сіе мгновеніе приближается величественною выступкою Геролдъ Туранскій, и возглашаетъ:

Да не будетъ кровь толь многихъ тысящъ цѣною мира, о Иранцы! Нашъ военачальникъ предлагаетъ поединокъ вашему Царевичу. Побѣжденный долженъ съ стороною своею принять законы отъ поборника: утвердимъ договоръ сей присягою.

Я приѣмлю вызовъ, отвѣтствуетъ Церирь, и когда какъ Принцъ желаетъ прежде другихъ вкусить мою ярость, да придетъ онъ немедленно: ибо сосудъ сердца моего исполненъ по самыя края; но хотя я оказываю ему честь, принося его первою Гистаспу жертвою, но клянуся днесь, что не явлю Иранцамъ милости, кромѣ скорой смерти.

Мы не боимся угрозъ таковыхъ, отвѣтствуетъ Геролдъ. Копіе нашего военачальника достаточно охладить ярость кипящую въ сердцѣ твоемъ. Онъ сказалъ сіе, и возвратился.

Нетерпѣливый Церирь не долго ждалъ вызваннаго противника. Появляется сей оболченный блестящимъ оружіемъ, на конѣ подобно пламенодышущемъ.

При семъ приличномъ взорѣ Церирь воспламенный равно ревнованіемъ славы, какъ и огнемъ мщенія, даетъ остроги быстрому коню своему, и обрѣтается уже по среди ратнаго поля близъ онаго, какъ примѣчаетъ, что сей по видимому неустрашимый воинъ являетъ знакъ къ разговору. Онъ вопіетъ съ негодованіемъ: Слова оружіе жень, въ настоящемъ случаѣ не могутъ нимъ служить оружія иныя, кромѣ смертныхъ: либо воззови Гистаспа изъ мертвыхъ, и отдай его въ мои объятія, или поди въ общество къ нему, и успкой гнѣвную тѣнь его.

Сказавъ сіе, направляетъ онъ твердое копіе, и стремится на него съ таковой жестокостію, что Туранскій воинъ, открывшій въ то время кончикъ шишака своего, едва имѣлъ поспѣшность, подхватить ударъ щитомъ своимъ; но отъ сильнаго потрясенія палъ съ коня распростертый въ пыли.

Въ томъ какъ оба войска наполняютъ воздухъ къ звонами радости и отчаянія, Церирь бросается поспѣшно съ коня, обнажаетъ саблю, чтобы обезглавить своего противника; но кой взоръ! въ открытомъ лицѣ назначенной жертвы своей, видитъ онъ черты возлюбленнаго Гистаспа.

Онъ сталъ недвижимъ отъ страха, радости и замѣшательства. Гистаспъ отдохнувъ между тѣмъ, и сказалъ съ кроткою улыбкою дружества:

Не дай сраженію чувствъ своихъ побѣдить твой разумъ, любезный братъ. Замѣть, что ты въ сіе прикрое мгновеніе не подаль мнѣ опыта любви своей. Мое паденіе довольно доказало тебѣ мои расположенія; но твоя дружеская свирѣпость произведетъ лучше мои холодно видуманныя намѣренія въ дѣйство. Дозволь благоразумію собрать плоды, приведенныя въ созрѣніе покорственною дерзостію. Подай мнѣ руку милости, когда очи примѣчательно со всѣхъ сторонъ устремлены на насъ. Веди меня, яко плѣнника, къ моему родителю, который конечно проститъ мнѣ, что я по

видимому возпріялъ противу его оружіе, когда я у ногъ его разверну сплѣтеніе добрыхъ моихъ намѣреній.

Цериръ послушалъ сего представленія въ безмолвномъ согласіи, и Гистаспъ опуствя личникъ шишака, слѣдовалъ за своимъ дражайшимъ побѣдителемъ.

Иранцы были удалены отъ мѣста битвы. Чтобъ могли разобрать черты лица своего Царевича, они взирали на него за врага, когда проходилъ онъ сквозь ихъ ряды, и не преставали возносить храбрость и великодушіе Церирова.

Логоразвъ съ своимъ старымъ военачальникомъ Гудерцонъ, храбрымъ ратникомъ, коего дѣянія наполнили всѣ страны Азіи изумленіемъ, остался въ воинскомъ станѣ. Сей Гудерць нагбенный достоинствомъ дряхлости, не былъ уже въ силахъ поднимать оружіе, но звукъ онаго составлялъ еще сладчайшую ему мусикію. Яко Ирой, возлюбленный другъ своего Монарха, былъ онъ притомъ искуснѣйшій Совѣтникъ Царя праведнаго и миролюбиваго: ибо добродѣтель его содержала и управляла всегда воинскою онаго склонностію.

Цериръ, предъидущу ему побѣдоному восклицанію, едва достигъ въ Царскій шатерь: простеръ Логоразвъ приемлющія его объятія, но восхищенный Царевичъ, коего тронутая душа не могла умѣрить своего восторга, лишь узрѣлъ Гистаспа повергшагося предъ возвышеннымъ престоломъ, палъ близъ его на колени, разрѣшилъ поспѣшно шишакъ его, и въ изступленіи долго удерживанной радости бросился ему на шею.

При семъ неожиданомъ и пронзающемъ видѣ Логоразвъ едва удержалъ стремленіе природы, которая, казалось, подкрѣпляла Церирову братнюю любовь, но онъ былъ вмѣстѣ съ родителемъ и Царь; онъ нашель обрѣтеннаго сына своего въ оружіи противу себя и своего Царства. Правосудіе удержало перевѣсъ въ чадолюбіи желательномъ всегда прощать. Онъ умолкъ, до коль Гистаспъ примѣтя на его омраченномъ челѣ болѣзненное сраженіе, возвелъ просящія очи свои, и рекъ:

Государь! не осуди меня по одному виду. Я предложу невинность мою не предъ однимъ умолимымъ родителемъ, но и предъ страшнымъ Монархомъ. Повели, чтобы воинство твое не дѣлало противу моего непріятельскихъ движеній, коего главы обязались торжественною клятвою, ожидать судьбы своей изъ устъ твоихъ, естли не принуждены къ тому будутъ праведнымъ защищеніемъ. И дабы звукъ настоящаго моего имени не пронесся во ушеса ихъ, повѣли окрестъ стоящимъ тебя молчаливость, по коль объясню я необходимость сея осторожности, и сниму мрачное покрывало, затмѣвающее справедливость моего поступка.

Встань, сынъ мой, отвѣтствовалъ Логоразвъ, отецъ уже оправдалъ тебя, и Царь твой хочетъ съ чувствованіями, долженствующими оживлять каждого

судію, имѣть надежду выслушать слова твои, не примѣчая причины къ осужденію.

По семъ войскамъ отданъ непрошенный приказъ, и всякъ кромѣ обоихъ Царевичей и Гудерца, удалился отъ Царскаго лица. Тогда Гистаспъ началъ рассказывать нещастія свои съ времени разлуки своей съ Цериромъ, изобразилъ ужасъ свой о возлюбленномъ братѣ живѣйшими красками, и какъ нашелъ его. Сагевъ потомъ продолжалъ повѣсть свою тако:

Надеждный знакъ, коимъ отвѣтствовалъ благосклонный незнакомецъ на прозъбу мою, оживилъ мою душу. Когда я получилъ упованіе къ сохраненію жизни, коя мнѣ своей была дороже, то на невластную судьбу свою взиралъ уже очами постоянства. Обѣщалъ съ радостнымъ видомъ выкупъ мой разбойникамъ, котораго чаяли они по внѣшнему моему виду; сказалъ имъ, что имѣю многихъ вѣрющихъ мнѣ въ Гератѣ, и подкрѣпилъ намѣреніе ихъ вести меня въ сей городъ. Я обрѣлъ себя въ состояніи, въ коемъ имѣлъ случай употреблять полный мой разумъ и силу разсужденія. Каждое случайное зло приноситъ съ собою нѣчто доброе. Невольничество освобождаетъ духъ отъ беспокойныхъ похотѣній, кои единственно происходятъ отъ вольности; оно доставляетъ умѣренность въ нуждахъ, открываетъ силамъ ума нашего поле покоя.

Необычайно рѣдкое поведеніе разбойниковъ былъ первый предметъ привлекшій мое примѣчаніе. Мы ѣхали одними удаленными отъ жилья дорогами, и рѣдко брали отдохновеніе, кромѣ въ дикихъ пещерахъ; между тѣмъ однако находили во всѣхъ мѣстахъ оныхъ толь ужасныхъ по виду, всякія выгоды, каковыхъ желательно. Они отъ союзниковъ своихъ, живущихъ по разнымъ вертепамъ сего намъ незнаемаго пути принимались, какъ ожидаемые родственники, и снабжаемы были до предъидущаго ночлега изобильно всякими потребностями. Должно ли было намъ переѣзжать рѣку, находили ожидающія насъ плоты, И на пустомъ берегу Зеленаго моря {*Зеленое море Персидской морской заливъ.*} корабль, который лишь мы пріѣхали отплылъ.

Сіи примѣчанія достойныя примѣры добрыхъ дѣйствій порядка, учинили въ мысляхъ моихъ глубокое впечатлѣніе. Коль прекрасно, говорилъ я въ себѣ, должны полезныя и позволенныя распоряженія совершаться, когда они порядочно расположатся, есть ли неправедныя предпріятія чрезъ порядокъ такъ чудно совершаются. Должны ли похвалы достойныя предпріятія упускать прозорливость и постоянство, когда они почти преступленіе извиняютъ?

Согласіе царствующее между разбойниками, удивляло меня не менѣе. Я приписывалъ то основанію, что въ воззрѣніи ихъ на самихъ себя, двѣ сильныя причины къ несогласію, честолюбіе и своекорыстіе, не имѣли у нихъ мѣста.

Они исполняли по очереди приказы, добыча шла въ общественную казну, и раздѣль происходилъ по самой правдѣ. Словомъ, я начиналъ вѣрить, что и въ благонравныхъ дворахъ худшія сего находятся общества.

Рѣдко случается, чтобъ оскорбитель затворилъ свое сердце къ склоннымъ для примиренія взорамъ оскорбленнаго, кромѣ когда тайная злоба или личное чувство къ оскорбленію отводятъ. По сему уяснились мало по малу мрачные взгляды разбойниковъ, когда увидѣли они меня спокойна и безпечальна, даже что жаловались моему безпристрастію о правѣ сильнѣйшей стороны, коего они держатся, и я не могъ отвергнуть нѣкихъ правдоподобныхъ основаній въ приводимыхъ ими причинахъ, и чаялъ, что сему праву между человѣкъ должно отдать нѣкоторую знатность.

Непримѣтно становились мои дикіе тираны кротчае. Они облегчили мои оковы, и искали прочую тяжесть оныхъ учинить сноснѣе, всякими дружественными услугами, какія они только выдумать могли; даже что заключили намѣреніе, не только выполненіе моего выкупа въ Гератѣ, возложить на честность мою, но въ надеждѣ на богатые обѣщанія мои, согласились удержаться отъ разбоевъ, до прибытія нашего туды.

Въ таковомъ добромъ согласіи жили мы, до коль близъ пустыни встрѣтились съ Гіамасбомъ. Сей Принцъ объятъ былъ гнѣвомъ, увидя меня въ таковомъ состояніи. Онъ далъ поводъ своей не осторожности, и бросился между разбойниковъ, крича имъ:

Безстыдные грабители, освободите на семь мѣстѣ Царезича Иранскаго, повергните себя къ стопамъ его, и молитесь о прощеніи, что дерзнули наложить руки на его освященную особу.

Отъ словъ сихъ разбойники остановились. Страшная смѣсь изумленія и гнѣва оказалась въ ихъ взорахъ которые возвратились къ своей дикости; приводецъ ихъ сказалъ, приближась къ Гіамасбу холодокровно:

Человѣкъ въ цѣпяхъ не можетъ называться Царевичемъ; ибо съ симъ именемъ соединено понятіе власти, и титуло, котораго утвердить нельзя, нами не уважается: твой называемой Царевичъ Иранскій, долженъ за имѣвшую въ мысляхъ своихъ измѣну, возчувствовать справедливый гнѣвъ тѣхъ, кои днесъ дѣйствительные его господа. Какъ безразсудность твоя, молодой человѣкъ, по всему виду спасла жизнь нашу, то даримъ мы за то тебѣ твою, въ награжденіе сей услуги, хотя и не то было въ твоихъ мысляхъ. Удались отсюда, и не искушай больше нашей терпѣли вести: ибо бѣшенство твое конечно не распространится, чтобы ты съ своими неискусными ратниками и слабымъ числомъ ихъ, дерзнулъ вступить съ нами въ битву.

Рѣчь сію отвѣчалъ великодушный Гіамасбъ своею саблею; и не взирая на прозѣбы мои повергся въ довольно не равный бой, изъ котораго нѣсколько разбойниковъ увезли меня.

Вскорѣ за тѣмъ догнали насъ прочія ихъ товарищи, хвалясь опустошеніемъ моихъ пріятелей, между тѣмъ въ разсужденіи меня не

вознамѣрились, но искали только ускорить ѣздою, бывъ гонимы Гіамасбомъ, который собралъ всѣхъ земледѣльцовъ.

Потомъ, какъ на послѣдокъ принудили они Принца, оставить погоню, остановились сами, окружили меня, съ обнаженными саблями, подняли вопль укоризнъ за мой обманъ и мнимое вѣроломство въ обѣщаніи; послѣ спрашивали меня, что могу сказать, въ мое защищеніе? Я отвѣтствовалъ:

Знаю, друзья мои, что скрытность, къ которой принудила меня гордость чина моего, столько меня унижаетъ, что я не заслуживаю вѣроятія, когда обнадеживаю васъ въ добрыхъ моихъ противу васъ намѣреніяхъ; но за чѣмъ упасть на васъ моему пороку, когда вы такъ милостиво, такъ справедливо со мною поступили? Подумайте, хотя бы гнѣвъ вашъ былъ толь истиненъ, какъ вы его быть чаете, но не можете вы отнять у меня жизнь, не навлекши на главы свои свои мщенія, которая весь родъ вашъ истребитъ отъ лица земли. Ратникъ, коего вы ревностною обо мнѣ ярость толь явственно познали, очень скоро впадетъ въ земли ваши съ миліонами подданныхъ отца моего, и распространить огонь опустошенія до самой внутренности горъ вашихъ. Только я одинъ могу отвратить висящую надъ глазами вашими погибель, и тяжесть железа имѣющую раздробить васъ, обратить въ золото: подумайте, что не одно дѣйствіе довѣренности, но и необходимость нудитъ васъ положиться на слова мои.

Я примѣтилъ на неспособныхъ къ притворству лицахъ разбойниковъ дѣйствіе словъ моихъ: видѣлъ многихъ презрительно улыбавшихся о возвѣщаемой имъ опасности; но въ чертахъ каждаго изобразилась возвращающаяся хотя недовѣрчивая надежда, когда тронулъ я за струну любезнѣйшей ихъ страсти.

По утишеніи перьваго жара ихъ чувствованія удалились они дли тайнаго совѣщанія, изъ продолженія ласковаго ихъ повѣденія опредѣлялъ я, что слѣдствіе будетъ для меня благосклонно. Но подозрѣніе начало опять грызть мое сердце, когда они по раздѣленіи себя на границахъ Карецмскихъ въ малыя кучки, опять соединились на берегу Геона близъ Королевства Туранскаго.

Тамъ предводители ихъ говорилъ мнѣ слѣдующее:

Хотя невозможныя каменные утѣсы и бездонныя пропасти нашего отечества поставляютъ насъ въ безопасность отъ нападеній непріятельскихъ, слѣдственно и отъ всякаго страха; однако разсуждали мы о твоихъ представленіяхъ. По справедливости заботимся мы, что самая крайняя правота и чистосердечіе человѣка, не можетъ исполнить обѣщанія отъ другихъ зависящаго, и не сумнѣваемся, что друзья твои, не совершаютъ твоего, доколь могутъ устремляться на нашу погибель.

Для сего привезли мы тебя на среду твоихъ непримиримыхъ непріятелей, кои явно возмутились противу Короля своего, за то, что не хотѣлъ оный нарушить мира съ землями твоими. Естли выдадимъ мы тебя въ ихъ руки,

они цѣлыя царствы едва ли поставятъ достойною цѣною твоего выкупа, когда напротивъ мы малою довольны суммою. Здѣсь видишь ты двоихъ нашихъ ратниковъ, кои подвергаютъ жизнь свою къ общему добру, и ожидаютъ повелѣнія твоего шествовать въ Иранъ. Буде возвратятся они съ золотомъ, котораго мы требовать имѣемъ право, тогда ты свободенъ, и мы обнадеживаемъ, что ты перешедъ рѣку, можешь возвратиться въ области отца твоего. Когдажъ напротивъ мы въ надеждѣ обманемся, тогда пойдёмъ мы на счетъ твоей вольности нашего убытка; каково бы слѣдствіе ни было. Жизнь твоя между тѣмъ будетъ порукою за жизнь двоихъ нашихъ благодушныхъ товарищей.

Я принялъ предложеніе сіе желательно, со всѣми соединенными со онымъ условіями и опасостями, и удвоилъ число денегъ просимое разбойниками. Скоро согласіе и щедрость моя, утвердили по прежнему ихъ миръ со мною, и какъ отѣздъ товарищей ихъ назначенъ былъ на утро при восхожденіи солнечномъ, то приготовились они препровести ночь въ ясномъ удовольствіи возобновившейся довѣренности.

Сіи отмѣнныя бродяги, въ Королевствѣ Туранскомъ не производили никакихъ насильствъ. Они находили тамъ повсюду вольныя пристанища, и не имѣли нужды шествовать проселочными дорогами; по чему на берегу, къ которому мы прибыли, поставленъ бывъ пространнѣйшій шатеръ, и столы полнаго изобилія.

Посреди сихъ хотя деревенскихъ, но сердечныхъ радостей, пришелъ почтенный провождаемый только двумя невольниками старецъ, и просилъ о допускѣ и гостепріимствѣ. Желаніе его въ томъ мгновеніе дозволено. Онъ приближался медленными шагами и съ благодарнымъ видомъ; но возведъ взоры на меня отступилъ вспять и вскричалъ.

О небо! необманчивый ли видъ сей! Воистиннули Царевичъ Иранскій скованъ позорными цѣпями?

Слова сіи повергли разбойниковъ въ крайѣйшее замѣшательство. Какъ они заключили послѣдній договоръ нашъ, исполнить со всякою точностію: то опасались, что таковымъ произшествіемъ принуждены быть могутъ оный нарушить. Они совѣтовали поспѣшно между собою, обратились незнакомому, и и сказали:

Естьли бы не удерживало ихъ то, чѣмъ должны мы принятому нами гостю, тотъ часъ бы мы тайну нашу вырвали изъ когтей нескромности; но по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ намъ для безопасности нашего узника зберечь и освященное право, которое онъ получилъ равно какъ и мы вкуся съ нами хлѣбъ и соль дружества. По сему вознамѣрся, Туранецъ, добровольно остаться съ нами, пока заплатитъ выкупъ за Гистаспа, и онъ возвратится въ свою землю, ибо, естьли вы противу сего нашего праведнаго поступка хотя малымъ попротивится, то разорвемъ мы узы почтенія, и не будемъ виновны въ происходящей тебѣ отъ того смерти.

Коль хвалю я вашу вѣрность, мои храбрые пріятели, съ каковою содержите бы ваше обѣщаніе, отвѣтствовалъ незнакомый; а ты, Царевич мой, оставь свою похвалы достойную, но ненужную недовѣрчивость: ты можешь положиться на вѣрность бывшего Сатрапа Карецмскаго, подъ коего кровлею ты родился, и который раннюю надежду твоей много обѣщающей юностію, ввѣренной его надзиранію, толь часто благословлялъ.

Да, возопилъ я, ты мой возлюбленный Ацимъ, мой второй отецъ: годы разлуки не могли истребить изъ моей памяти впечатленнаго благодарностію въ сердце.

По семъ обнялъ я Адама нѣжнѣйше, разбойники просили его почтительно возлечь, и участвовать въ ихъ пиршествѣ; между тѣмъ увѣдомилъ я его, какое ихъ было о мнѣ намѣреніе.

Ацимъ принялъ охотно предложеніе, и рекъ: вмѣсто что онъ безпокоился бывъ застиженъ ночью не блиско отъ жилища моего, благодарить онъ щастливому созвѣдію своему, приведшему его въ сей шатеръ; понеже несумнѣвается, что не позавидуютъ благополучію его, когда выкупить онъ возлюбленнаго своего Царевича. Дозвольте потому, продолжалъ онъ, моимъ вѣрнымъ невольникамъ съ утреннимъ вѣтромъ шествовать въ садъ моихъ сокровищъ; они вскорѣ принесутъ сладкое обоняніе богатства, для васъ, и вольности для Гистаспа. Вы конечно довольны будете, когда я число денегъ ожидаемыхъ вами отъ Царя Иранскаго умножить думаю; и не будетъ вамъ нужды, повергать въ опасность вашихъ товарищей, за которыхъ ручаться Царевича не можете вы принуждать безъ крайней непристойности. Я имѣю о справедливости вашей въ исполненіи договоровъ толь доброе мнѣніе, что не могу поставить оную въ малѣйшее подозрѣніе, и хотя неложное дружество между узника вашего и мною, не есть достаточная порука, но я отвращаю все возраженіи, соглашаясь остаться въ рукахъ вашихъ, по коль привезутъ выкупныя деньги.

Предложеніе было принято и невольники посланы; они возвратились съ верблюдами, обремененными золотомъ, мы простились съ разбойниками, получа отъ нихъ торжественное обѣщаніе, не разглашать о имени въ моей землѣ, въ которой я по долгихъ и трудныхъ странствованіяхъ желалъ по прозбѣ Азимовой принять отдохновеніе.

Ацимовъ замокъ стоялъ по среди пріятнаго лѣса, покрывающаго часть Карицма, въ которомъ мы находились. Огромность его зданія, было свидѣтельство о величій прежняго его хозяина. Великодушный Ацимъ, съ нетерпѣливостію сносящій изліянія моей благодарности, примѣтилъ, что драгоцѣнность строенія и красота мѣста привлекаютъ мое примѣчаніе, и сказалъ:

Взирай на благодѣянія родителя твоего, кои изліялъ онъ на меня въ то время, котораго обывателя земли сея не могутъ вспомнить безъ воздыханія. Да, Царевичъ! сіи днесъ печально молчащія лѣса не рѣдко повторяли

радостныя восклицанія, ибо великій Логоразвъ часто посѣщаль ихъ Царскимъ своимъ присутствіемъ. О! еще мнѣ мнится, слышать восклицанія, коими вѣрные Карецмяне привѣтствовали твое рожденіе; еще чаю я зрѣть тѣ слезы, проистекавшія отъ несказанной горести, когда ты по седьмому году взять отъ нихъ въ самый сей щастливый день, и что въ то время ради мира, сія часть Карецма соединена къ Королевству Туранскому.

Между тѣмъ добродѣтельный Афрасіабъ, коего жизнь захвачена была лютыми когтями жестокой болѣзни, до днесъ еще противопоставилъ твердую ограду разумомъ своимъ и проницаніемъ, для грозныхъ волнъ возмущенія. Онъ защищаль всегда Карецмянъ отъ злости, возбуждаемой въ Туранцахъ извѣстною ихъ вѣрностію ко прежнимъ и нынѣшнимъ своимъ государямъ; и пріятныя гульбища, кои почасту ты попираль резвыми ногами младенческой живости, сбережены еще отъ опустошенія.

Здѣсь пребудешь ты неизвѣстенъ, но незабвенъ; ибо я самъ нѣжныя головки цвѣтовъ твоего дѣтства не узналъ бы въ красотѣ разцвѣтшаго твоего юношества, естли бы не видалъ тебя послѣ при дворѣ Гератскомъ. Я могу положиться на двухъ невольниковъ, кои уже оказали намъ вѣрность и опытѣ; и по моему приказанію, пропустятъ они слухъ, что я нашель давно пропавшаго сына. Когда ты по сему удостоишь меня имени родительскаго, то можешь ты во время принятія отдохновенія по безпокойствамъ своимъ, имѣть случай разсмотрѣть народъ, познаніе котораго имѣетъ тебѣ въ свое время быть очень нужно.

Я приняль съ благодарностію Ацимово предложеніе. Онъ по всякій день старался окружать меня новыми забавами, но сіе ненужно было, за тѣмъ что въ мѣстѣ, гдѣ сердце мое пріяло первыя свои ощущенія, было мнѣ всѣ пріятно. Съ восхищеніемъ посѣщаль я каждое мѣстечко, припоминающее мнѣ про нашествіе новаго размышленія, или возстаніе неизвѣстнаго чувствованія отъ моего рожденія.

Особливо нравился мнѣ преимущественно лѣсокъ, въ коемъ держали молодыхъ оленей, бывшихъ первымъ предметомъ моего дѣтскаго пристрастія. Когда Ацимъ въ одинъ день отѣхаль въ ближній городъ, я пошелъ въ сей лѣсокъ, и въ прохладной тѣни онаго предался сладкому сну, который по нѣсколькихъ часахъ былъ прерванъ неожиданнымъ и надмѣру пріятнымъ образомъ.

Мнѣ казалось, какъ бы я похищенъ былъ тихимъ вѣтромъ благоухающаго Котена {*Котень, земля, производящая преизящнаго звѣря имѣющаго въ себѣ мускусъ.*}: я искалъ желательно насладиться пріятнымъ запахомъ; кровь моя почувствовала необыкновенную горячность, и я очнулся въ удовольственномъ движеніи, которое обратилось въ настоящее дѣйствіе, когда я увидѣль стоящую надъ собой очаровательную красавицу, наклонившую на меня заразительное лице свое. Въ томъ какъ лѣжалъ я безъ словъ и движенія, блистательные взоры сего божественнаго вида

повстрѣчались съ моими устремленными на нихъ; но когда я въ восторгѣ отверзъ мои объятія, и хотѣлъ схватить представляющееся счастье, исчезла она изъ виду моего, и я остался въ нерѣшимости, прекраснѣйшая ли то изъ дочерей человѣческихъ, или была Пери, сдѣлавшая первое впечатленіе.

Въ семъ смятеніи мыслей моихъ, остался я простертъ на земли; тогда услышалъ я голосъ Ацима, который меня громко кликалъ. Я всталъ, спѣшилъ ему встречу, и вопіялъ:

Ахъ! скажи мнѣ, отецъ мой! скажи скорѣе, могу ли я имѣть надежду владѣть ею, или долженъ обожать ее? Смертная она или существо не естественное.

Что хочеть мнѣ изъяснить тѣмъ мой Царевичъ? отвѣтствовалъ Ацимъ печальнымъ видомъ; отъ чего я пришелъ въ стыдъ.

Я объявилъ ему видѣнное; онъ улынулся и говорилъ:

Духъ, хранитель сего мѣста, да будетъ похваленъ, за ниспосланіе тебѣ таковыхъ пріятныхъ сновъ, и что дѣлаеть тебя толь счастливымъ въ мѣстѣ, каковымъ я желаю быть тебѣ наявѣ.

Слова сіи утвердили совершенно во мнѣніи, что небесное существо почтило меня посѣщеніемъ своимъ, мысли мои опять успокоились, и оставили только пріятное воображеніе о преизрядномъ видѣніи. Сіе приписывалъ я равномѣрно чрезъестественной силѣ, ибо примѣръ моего несчастнаго брата довольно научилъ меня, коль трудно любовной страсти сносить ласкательства своя надежды.

Благодарилъ я Ацима за его доброжеланіе, и говорилъ, что по видимому, когда онъ спѣшилъ ко мнѣ, имѣлъ нѣчто важное сообщить мнѣ, почему жалѣю о удержаніи его отъ того глупымъ извѣстіемъ о мечтѣ.

Когда ты рассказывалъ мнѣ, сказалъ онъ, краткое пробужденіе юношественнаго мечтанія, хотѣлъ я увѣдомить тебя, что нашъ добрый Король Афрасіабъ возшедь отъ продолжительнаго и прискорбнаго сна жизни сея. Братъ его Агіасбъ возшелъ по немъ на престолъ Туранскій и чрезъ всенародную повѣстку, приглашаетъ всѣхъ вельможъ государства своего ко двору, дабы старшая дочь его могла избрать изъ нихъ себѣ мужа. Хотя я сей чести не ожидаю ни желаю, но долженъ послѣдовать званію, весьма для меня досадному, естли я чрезъ то разлучусь съ тобою.

Могу ли я проводить тебя ко двору Туранскому, кромѣ преданія себя опасности быть узанну? сказалъ я.

Всеконечно, отвѣчалъ Ацимъ, ибо обхожденіе Туранцамъ съ Иранцами давно запрещено отъ ихъ Государей, но болѣе пресѣчено оное взаимною ихъ ненавистію, понеже и запрещеніе то послѣдовало, для отвращенія послѣдствъ оныхъ.

Можеть быть я единый подданный въ семъ государствѣ, который въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ перешель чрезъ Геонъ, и произошло сіе когда меня Афрасіабъ посылалъ къ Логоразву, для испрошенія въ Везири Мерада;

за тѣмъ что преизрядства сего великаго мужа побѣдили предрасудки необузданнаго народа, и подобострастіе онаго въ нему продолжалось до самой его кончины, замкнувшей днесъ рядъ славныхъ дней. Ты можешь съ совершенною безопасностію показаться подъ именемъ моего сына, присутствовать въ собраніи толикихъ честолюбивыхъ совмѣстниковъ, и посреди онаго приобрѣсть Государю толь нужное познаніе о человѣческомъ сердцѣ.

Съ радостию приѣмлю случай сей, отвѣтствовалъ я, поправить мой разумъ и испытать разные характеры страстей, хотя не ожидаю я, чтобы оныя толь легко, какъ ты думаешь, себя отркыли; по елику конечно уже довольно искано благосклонности Принцессиною, чтобъ выборъ по сехъ поръ не былъ опредѣленъ. Но откуда происходитъ сіе особенное право женщинѣ?

Какъ произхожденіе онаго, отвѣтствовалъ Ацимъ, возвращаетъ Туранцанъ въ память время разоренія и позора, то законъ, силой коего то установлено, до сего дня нѣкоторымъ образомъ содержится въ тайнѣ: ибо не происходило еще случая, производить оный въ дѣйствіе.

Вѣдай потому, что прародитель {*Каккаусъ называется отъ нашихъ писателей Дарій Гистаспъ.*} твой Каккаусъ достигнувъ старости, въ каковой разумъ кажется скучаетъ долговременнымъ исполненіемъ своея должности, былъ обманутъ дочерію тьмы. Потрудясь тщетно ввести во искушеніе сына своего, прекраснаго Сіавесха, оклеветала она его въ порочныхъ намѣреніяхъ. Гласъ невинности не въ состояніи былъ побѣдить льстивый вопль Судабы, и слѣпая Каккаусова любовь къ вѣроломной женщинѣ, угасила въ немъ природную склонность къ достойному сыну.

И такъ Царевичъ вѣтромъ оклеветанія былъ изгнанъ отъ двора родительскаго, и съ распростертыми дланьми принять Королемъ Туранскимъ, который соединилъ высокій илемъ съ плодоносною виноградиною своего Королевскаго сада.

Свадьба Сіавесха съ Принцессою Фиренки, {*Принцесса Фиренки есть погречески Мандана и отецъ ея Афрасіабъ именуется по ихъ Астіагомъ.*} долженствующею по смерти отца своего заступитъ престоль Туранскій, возбудила ревность Туранцовъ, и произвела ненависть къ странѣ, коя стала имъ соперницею. Братъ Королевскій расположеніе сіе употребилъ въ пользу, и убилъ измѣннически Сіавесха; но бодрствіемъ Фиренки не вкусилъ плода, ожидаемаго отъ своего предательства.

Подобно орлицѣ, убѣгающей лютаго филина, которая просѣкаетъ воздухъ сильно парящими крыльями, и ищетъ пріятельствующаго древа, гдѣ бы скрыть ей носимыхъ въ носу своемъ птенцовъ; убѣжала Принцесса, носящая на рукахъ дѣтище свое въ отдаленную страну; отъ туду пришла она, съ молодымъ Кайхозру, коего развивающіяся добродѣтели предъобѣщевали ясный день славы полнаго его царствованія, ко двору Иранскому.

Каккаусъ, поздно узнавши невинность Сіавесхову, пролилъ слезы надъ его сыномъ, и возложилъ на него свою корону.

По сему приказанію, кое я обстоятельно разсказалъ тебѣ, обнажилъ Кайхозру мечъ мщенія на Туранцовъ, коихъ государство чрезъ многія годы изводилъ" кровію, въ чѣмъ подкрѣпилъ его сильный левъ храбрости, полководецъ его Рустемъ.

Когда Логоразвъ пожаловалъ ихъ миромъ, помыслили они о причинѣ долговременнаго своего нещастія, и въ охраненіе себя отъ того впредь, установили законъ, силою котораго наследующая Принцесса, должна быть обязана, избрать супруга своего изъ дворянъ отечества, и дабы упредить ея дѣвическій стыдъ, то узаконено, чтобы въ знакъ своего выбору, подала она человѣку ея удостоенному померанецъ, послѣ чего исполняются свадебныя обряды, и Король не можетъ тому противурѣчить.

Зависть которую возбуждаетъ желаніе Короны въ груди всѣхъ надѣющихся, укрощается воображеніемъ, кое каждый любовникъ о себѣ имѣетъ; естли бы же напротивъ Король раздавалъ сію выгоду, не такъ бы происходило. Чрезъ то предупреждаются вдругъ отягощенія притить во власть чужестраннаго Государя, или извлечь мщеніе онаго.

Какъ добродѣтельный Афрасіабъ, посвятившій жизнь свою должности Государя, видѣвъ себя бездѣтна, а брата своего отцемъ трехъ дочерей, то повелѣлъ онъ, чтобы Принцессы такъ воспитаны были, чтобъ могли вѣнчать величодушное намѣреніе о благополучіи его подданныхъ; а особливо прилѣжать, о вложеніи въ духъ Кенаи (такъ называется старшая) всѣхъ добродѣтелей, дабы можно уповать, неошибки въ выборѣ ея. И теперь, заключилъ Ацимъ смѣючись, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ желать мнѣ видѣть щастливый померанецъ поданъ моему сыну.

Естли вручительница, сказалъ я, подобна будетъ небесной красотѣ, которую я видѣлъ: съ удовольствіемъ пріиму я подарокъ сей въ теперешнемъ мнимомъ моемъ состояніи; и въ настоящемъ отдамъ королевство Туранское, дабы безъ препонъ наслаждаться моимъ благополучіемъ; но какъ ни одна смертная не достигаетъ совершенствъ дщери свѣтя, то единственное мое желаніе, быть простымъ зрителемъ рѣдкаго обрядъ, который ты мнѣ описалъ.

Какъ приуготовленія къ путешествію нашему отняли у насъ нѣсколько времени, прибыли мы въ Цаминъ за день только до открытіе сего знаменитаго собранія, въ кое допущень я подъ именемъ Коресха, сына Ацимова.

Едва были мы установлены по чинамъ, вошла въ палату оную Принцесса въ провожденіи Государственныхъ служителей. Она остановилась посреди блистающаго круга трепещущихъ своихъ требователей, подобно возвышенному кипарису между рядовъ нагнутыхъ пальмъ. Хотя закрыта она была покрываломъ, но пріятность вида сложенія ея возбудила въ сердцѣ

моемъ жестокое движеніе, но когда она бѣгло обзрѣвъ, подступила ко мнѣ, и подняла свое покрывало, то впаль я въ таковоежь восхищеніе, кое чувствовалъ въ лѣсахъ Карецмскихъ; ибо въ ней нашель я тотъ самый предметъ моего удивленія и любви.

Во время какъ взираль я на Кенаію съ несказаннымъ восторгомъ, подала она мнѣ щастливый померанецъ, сказавъ:

Здѣсь вижу я множество совершенныхъ особъ, но въ очахъ моихъ ты всѣхъ ихъ превосходишь.

Я принялъ сіи неоцѣненную милость съ почтительнымъ, но много выражающимъ молчаніемъ. Мы отведены къ Королю, и въ присутствіи его на вѣки соединены.

Въ часы восхищенія вопіяль я: Локманъ! сія много превозходитъ мои желанія. Принцесса спрашивала меня о знаменованіи сихъ словъ. Я объявилъ ей обѣщаніе премудраго, и объяснилъ о моей заботѣ, что я склонностію ея сердца обязанъ чрезъестественному: ибо какія могъ имѣть заслуги Коресхъ незнакомый, чтобъ твой выборъ вдругъ на него обратился.

Я видѣла Коресха въ палатахъ Ацимовыхъ, отвѣтствовала она съ скромнымъ, но нѣжнымъ взглядомъ, и съ того мгновенія, всѣ благополучіе мое сліялось въ немъ подобно въ средней точкѣ.

Хотя я щастіе сіе безъ труда получилъ, но пробыль свободень, чтобы не заплатить дани собственному всѣмъ человѣкамъ страху.

Аргіасбъ, женскою своею жизнію ослабивши силы своего разума, былъ на престолѣ подобно робкому еленю въ лѣсахъ окруженному ловцами. До коль братъ его противуоставилъ стрѣламъ возмущенія щитъ добродѣтели и великодушіе, удалился онъ въ крѣпость роскоши и праздности, въ коей былъ не примѣчаемъ, и нашель надежное убѣжище.

Но когда изъ сей мрачной пещеры, достигъ въ другъ къ свѣту вышняго начальства, ослѣпилъ его оный, и онъ при занятой гордости Короля, имѣеть сердце невольника. Малѣйшій шумъ работа, кажется ему быть сѣвернымъ вѣтромъ опустошенія, и онъ ищетъ благополучіе свое утвердить на слабой подпорѣ народныя любви, понеже не достаетъ ему твердаго основанія бодрости.

Въ таковыхъ расположеніяхъ трепеталь онъ отъ негодованія происшедшаго свадьбою Принцессы между дворянствомъ его и данниками. Когда они жаловались, что она выбрала себѣ мужа изъ новоприобрѣтенной, и очевидно зло мыслящей земли, будущаго ихъ Короля, то слушалъ онъ ихъ съ поноровкою. И приказавъ намъ на конецъ, удалиться двора, дабы изъявить тѣмъ неудовольствіе свое на Принцессу и меня,

Я принялъ повелѣніе сіе съ радостію, и просилъ себѣ провинцію Карецмъ для пребыванія. Но получилъ въ отвѣтъ, что я жилище себѣ могу тамъ избрать, гдѣ хочу, понеже Государству оное равнодушно; Принцессажъ

останется въ назначенномъ ей замкѣ подъ вѣрною стражею, которая имѣеть примѣчать всѣ слѣды ея.

Между тѣмъ самая ея слабость сей мнѣ стыдъ причинившая, сохранила меня отъ худыхъ слѣдствій; ибо Ацимъ толь громко говорилъ о оказанной мнѣ несправедливости, что Аргіасбъ чаялъ Карецмянь быть уже во оружіи, я не смѣлъ далѣе простирать свое оскорбленіе -- по крайней мѣрѣ неявно -- Ибо были многіе гнусныя заговоры на жизнь мою, и Ацимово бодрствіе довольно находило труда учинить оныя тщетными.

Сей вѣрный другъ видѣлъ опасности, коимъ я ежедневно предоставленъ, и принуждалъ меня слѣдовать въ Иранъ; но припоминеніе оставить мою любезную Принцессу было мнѣ несносно и не желалъ же я и родителю моему и отечеству навлечь на себя бичъ войны, и для того не сообщалъ въ Герать о моихъ обстоятельствахъ.

Въ томъ какъ полагался я на провидѣніе, что оное конечно изведетъ меня изъ сѣтей злости, Туранцы стали угрожаемы новымъ и страшнѣйшимъ нещастіемъ. Внутри страны, близъ Намина, вдругъ появились свирѣпый левъ и страшный Смокъ, (драконъ) *{Многимъ удивительно покажется, что я поставилъ объясненіе Россійскаго слова Россіянамъ. взявъ прибѣжище къ названію иностранному. Я не могу въ томъ оправдаться, кромѣ почтенія моего, къ красотѣ и полности нашего языка природнаго, имѣющаго избыточеству по вѣстамъ познаніямъ; и кромѣ презрѣнія достойнаго, которымъ вооружаясь мая соотчичи, имѣютъ наглость обезображивать свое нарѣчіе, введеніемъ словъ чужеземныхъ. Разумные любители красотъ собственныхъ стараются исправлять сіи вскользнувшія странности; но многого труда стоитъ вничтожить безпорядокъ утвердившійся отъ времени. И должно уже необходимо брать прибѣжище для выраженія глаголовъ собственныхъ, къ знаменованіямъ чуждымъ, дабы писателя Русскаго могли разумѣть его обратія, слово Смокъ, нѣжнѣе дракона, но не моего оно изобрѣтенія. Произхожденіе его толь же древнее у Россіянъ, какъ у Грековъ всѣ Химеры, въ число коихъ надлежитъ и чудовище сіе; но праотцы наши безъ сумненія заняли отъ нихъ; (ведя то продолжительныя съ ними войны, то дружественное обхожденіе,) сіе порожденіе силы поразительной, нашли ему изъясненіе въ сокровищницѣ своего собственнаго нарѣчія.}* первый неутомимою яростію покрывалъ поля растерзанными тѣлами; а другій ядовитымъ дыханіемъ своимъ заражалъ плоды земли; оба пригнали сельскихъ жителей въ городъ; а сіи привлекли за собой ужаснѣйшаго непріятеля голодъ.

Въ сей крайней нуждѣ обѣщаль Аргіасбъ обѣихъ своихъ меньшихъ дочерей торжественно тѣмъ, кои убіюють сихъ лютыхъ звѣрей, и принесутъ ему ихъ кожи. Таковое награжденіе побудило многихъ храбрыхъ людей, но они лишились жизни при такомъ предпріятіи, и судьба ихъ истребила надежду и смѣлость въ прочихъ.

Всеобщее разореніе возбудило меня изъ сладкаго усыпленія любви, и вдохнуло искру добродѣтели, раздувъ ее лѣжащую подъ пепломъ празднои жизни. Я укорялъ себя, что не сдѣлалъ еще ничего славы достойнаго; возсталъ съ одра роскоши, и изшелъ утромъ въ провожденіи только двоихъ вѣрныхъ невольниковъ, искать опустошающихъ звѣрей.

Небо благословило предпріятіе мое. Защитило мою жизнь и укрѣпило руку. Чешуя Смокова не выстояла противу острія меча моего, и остріе онаго пронзило сердце львово. Два невольника зарыли трупы, а добычу тайно внесли въ замокъ, куды я возвратился, не подавъ ни малаго вида о происшедшемъ Кенаи и Ациму.

Тогда отъ меня зависѣло пристыдить Аргіасба и Туранцовъ, когда я во всенародномъ презрѣніи, заслужилъ всенародный подарокъ; но за малость считалъ я торжество сіе, и выдумалъ средство, сдѣлать изъ побѣды моей лучшее употребленіе.

При дворѣ находились два Принца Королевской крови, о коихъ супруга моя, отдавая цѣломудренную похвалу ихъ достоинствамъ, вложила въ меня высокое мнѣніе. Фирцана и Фируцъ {Фирцана называется разумный, Фируцъ щастливый.} были имена оныхъ, и при томъ знаменованіи заслуживаемыхъ ихъ дарованіями; ибо Фирцана учреждалъ свои дѣйствія по совершенному разуму, и благородное наклоненіе къ истинной словѣ дѣлало подвиги Фируцовы достойны щастія, коимъ они были водимы.

Какъ я намѣренъ былъ, сложить право моей супруги, коль скоро возвращусь въ Иранъ, дабы оба народа не ввязать въ новую брань; то желалъ обоимъ симъ мужамъ, которыхъ числилъ за достойнѣйшихъ, оставить подкрѣпленіе продолжительнаго мира, и доставить имъ мѣсто ближнее къ престолу, которымъ старый и дряхлый. Аргіасбъ не могъ владѣть болѣе.

Въ таковомъ намѣреніи, велѣлъ я позвать къ себѣ Фирцана и Фируца, кои охотно приняли мое приглашеніе, ибо возвышенныя ихъ души презирали непогоду немилости придворной.

Какъ дѣйствіе мое было скрытно, отвелъ я обоихъ Принцовъ въ отдаленнѣйшую часть замка, и вручая имъ кожи льва и Смока, сказалъ:

Возмите сію добычу, требуйте обѣщаннаго награжденія; благополучіе ваше будетъ мое собственное.

При толь неожиданномъ взорѣ и словахъ, стали Фирцана и Фируцъ недвижимы отъ изумленія, которое напоследокъ прешло въ удивленіе и благодарность. Не мало противились они упорно, принять предлагаемую благосклонность, и объяснились, что обнародуютъ храбрость мою и великодушіе, но понуждающія мои прозбы одержали верьхъ надъ ихъ заключеніемъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть желанія мои къ ихъ пользѣ совершенно исполнены.

Вскорѣ по сихъ двухъ свадьбахъ случилось, что Памасбъ преслѣдовалъ разбойниковъ въ Туранскихъ областяхъ, и не нашедъ меня у оныхъ, искалъ отмстить мнимую смерть мою,

Хотя не многія жертвы пали подъ его, отъ прежнихъ ранъ ослабленною рукою, но и малая кровь сія достаточна была, привести въ созрѣніе сѣмя злости, давно уже въ сердцахъ Туранцовъ прозябшее.

Отъ вопля ихъ Аргіасбъ пришелъ въ трепеть. Готовый бунтъ съ одной стороны, съ другой война съ страшнымъ народомъ, были два равно опасныя утеса, на которыхъ поврежденный корабль его бодрствія безъ сумнѣнія долженствовалъ разбиться. Однако утѣшилъ онъ себя мыслями, что приобрѣлъ двѣ оныя храбрыя подпоры, и повелѣлъ войскамъ своимъ быть въ готовности къ выступленію за Геонъ.

Но коль велико учинилось изумленіе его, что Фирцана, которому во первыхъ, равно и Фируцъ, коему за тѣмъ начальство предлагали, въ сей чести отказались, и представляли, что оная одному мнѣ надлежитъ.

Изъясненіе таковое возбудило явный смѣхъ, хотя нѣкія между тѣмъ признавали сіе за сущую трудность. Принцесса, супруга Фируцова, не могла выдержать стыда и поношенія, коимъ облагали ее мужа, укоряла онаго въ неразумности, что онъ хвалилъ человѣка, и полагалъ въ ономъ довѣренность котораго свѣтъ не иначе вѣдаетъ, какъ по своенравію сестры ея, и котораго дѣла столькожъ темны, какъ и происхожденіе.

Фируцъ не могъ снести таковыхъ поносныхъ рѣчей, съ великодушнымъ сердцемъ открылъ онъ прекрасной противуборницѣ славы моей истинну послѣдняго нашего случая.

Тягость таковыя тайны была больше, что нравъ сея Принцессы снести могъ. Языкомъ неразумности возложила она то бремя слуху одного повѣреннаго, который открылъ о семъ Королю.

Съ начала Аргіасбъ не хотѣлъ вѣрить сказываемому, но какъ подтверждено оное обоими Принцами, послалъ онъ по меня въ безумной поспѣшности, и принялъ меня съ видомъ толь покорнымъ, изумленнымъ и почти трепетнымъ, что я не могъ удержаться отъ презрительнаго смѣха; но сего неудержаннаго движенія не примѣтилъ онъ, и при повторяемыхъ обниманіяхъ объявилъ меня своимъ полководцемъ.

Я скрылъ ужасъ о семъ неистовомъ возложеніи, и воздигъ сумнѣніе о несправедливости начинающейся войны, дабы тѣмъ выиграть время, и избавиться ненавистной чести, не опороча себя, но Король приказалъ привести двоихъ разбойниковъ, которыя имѣютъ тотъ часъ вничтожить мои возраженія.

Тогда думалъ я, что погибель моя достовѣрна, ибо не сумнѣвался, чтобъ разбойники мнѣ не измѣнили, когда они за таковое открытіе могутъ ожидать несчислимаго награжденія, но имѣютъ и случай отмстить смерть своихъ товарищей.

Между тѣмъ принялъ я постоянный видъ, когда представлены оныя предъ Короля; и какъ Аргіассъ повелѣлъ имъ оправдаться предо мною въ разсужденіи убивства, коимъ обвиняли ихъ Иранцы, взглянулъ я на нихъ безъ малой перемѣны видя моего. Тотъ, который во время моего невольничества былъ ихъ начальникомъ, принялъ слово, и отвѣчалъ:

Уповаемъ мы, милостивый Государь, что ты повѣришь намъ, естли мы клянемся всѣми невидимыми силами неба и земли, что мы не устремлялись на жизнь Царевича Гистаспа, понеже, хотя бы мы и въ состояніи были учинить таковое преступленіе, но не имѣли бы никакой отъ того пользы. Сверхъ того утверждаемъ мы клятвенножъ, что во всѣхъ бывшихъ у насъ узникахъ отнюдь не находилось, кто бы заподлинно несъ сіе именованіе; и хотя по видимому въ разсужденіи такого промысла не возможно имѣть къ намъ столько вѣроятія, какъ къ доносителю и насъ Принцу Гіамасбу, но безъ сумнѣнія ты вѣдаешь, сколько мало можно полагаться на видъ одинъ, и ты окажешь справедливость повѣря словамъ нашимъ.

Разбойникъ легко ощущалъ, что я уразумѣлъ измѣреніе хитрое его, однако чистосердечной рѣчи, и не говорилъ больше. Король обратился ко мнѣ, и вскричалъ:

О! сего довольно, доказать справедливость стороны моей. Спѣши, мой возлюбленный сынъ, спѣши и удовольствуй моихъ подданныхъ, желающихъ видѣть отмщеніе учиненной имъ неправды, и щастливое исполненіе да будетъ всегдашній спутникъ твоей храбрости. Но прежде удовольствуй сихъ людей за претерпѣнный убытокъ. Ты можешь распорядить моими сокровищами, и повелѣвать здѣсь какъ я самъ.

Съ словомъ симъ, на которое я не отвѣтствовалъ, оставилъ онъ меня, и я отшелъ въ великолѣпныя приготовленныя къ принятію моему палаты, провожаемъ великою толпою народа, который по обыкновенію впадалъ изъ одной крайности въ другую, и почиталъ уже меня за духа, Хранителя Туранскаго.

Первѣйшее попеченіе мое состояло въ томъ, чтобы поговорить тайно съ разбойниками, и наградить ихъ по надлежащему за ихъ вѣрность; но начальникъ ихъ отвергъ то, говоря, когда мы остались одни, слѣдующее:

Какъ насъ никакія основанія не могли подвигнуть къ нарушенію обѣщанія нашего въ открытіи твоего имени, равномѣрно ничто не можетъ замѣнить на свѣтѣ смерть нашихъ родственниковъ и опустошеніе земли нашея. Между тѣмъ, естли ты помышляешь, что долженъ намъ какою нибудь благодарностію, то спаси бѣдныя остатки домовъ нашихъ и имѣній. На сей конецъ долженъ ты скорѣе вести Туранскіе войски за Геонъ; чрезъ то отзовется прочь ратникъ, нынѣ Дагестанъ и Ширванъ покрывающій яростию мщенія, чтобы помочь Хоразани; какъ сей не можетъ быть кромѣ твоего брата, то найдешь ты средство, здѣлать съ нимъ переговоры, и примирить

оба войска, или условиться съ нимъ о средствахъ, какъ набѣжать новыхъ твоихъ и опасныхъ пріятелей.

И разлучиться на вѣкъ съ моею супругой? сказалъ я.

Нѣтъ, отвѣтствовалъ разбойникъ, ты слабаго Короля, весьма имѣешь въ своей власти, чтобы удобно ему было причинить сію разлуку, она послѣдуетъ за тобою, подъ прикрытіемъ, начальствуемымъ человѣкомъ преданнымъ выгодамъ твоимъ. Когда таковымъ образомъ одно воинство тебѣ повинуется, а другое тебя любитъ, то нельзя не доставлять случая, способнаго къ исполненію твоихъ желаній, къ чему и мы предлагаемъ наши вѣрныя услуги.

Я пріемлю оныя, сказалъ я, обнявъ обоихъ разбойниковъ. Вы узкимъ и мрачнымъ ходамъ моихъ мыслей, ясный предложили и выходъ, и сіе не послѣднее въ моихъ обязанностяхъ, которыми я вамъ долженъ, и кои вѣчно будутъ жить въ моей памяти.

Какъ не открывалъ я Принцессѣ моей тайны, на могъ дать видѣть и луча надежды и утѣшенія, которымъ предпріятіе уясняло мое сердце. По чему искалъ сообщить оное только единому моему другу Ациму. Но сколь удивился я, нашедъ у него незнакомаго, котораго въ Іеменѣ послалъ къ моему возлюбленному Цериру.

Я не помышлялъ о опасности, видѣть новаго свидѣтеля моего настоящаго состоянія, возхищенъ бѣжалъ я въ его объятія, сдѣлалъ въ другъ тысячу запросовъ о моемъ любезномъ братѣ, и въ слѣдствіе его извѣстія, не могъ уже сумнѣваться, чтобъ не былъ онъ Ирой тотъ, вступившійся толь ревностно за дѣла мои.

Между онымъ нашелъ я, что Сагебъ и Ацимъ совсѣмъ отвергали совѣтъ данный мнѣ Разбойникомъ: они утверждали, что не можно мнѣ изъ бремени затрудненія, въ которомъ я запутанъ, лучше освободиться, какъ ввѣря себя любви Кенаиной, употребить въ пользу, свободу этою паки полученною, и не продолжительно бѣжать съ нею въ Иранъ.

Примѣръ Фируца, измѣненнаго предъ недавнымъ временемъ Принцессою, не поощрилъ меня слѣдовать, предложенному отъ нихъ возраженію; я распространился доказывая опасность онаго, и прибавилъ, что я сумнѣваюсь очень, не взирая, хотя Кенаія имѣетъ въ себѣ преизящныя свойства, надлежитъ ли молчаливость въ число женскихъ добродѣтелей.

Отъ чего таковое сумнѣніе! сказалъ Сагебъ: не ужъ ли природа здѣлала толь пристрастное въ обоихъ полахъ различіе? Ибо красота по истиннѣ слабости духа замѣнять не можетъ. Нѣтъ, Царевмчъ, мы одни только отъемлющія большую часть выгодъ нѣжнаго полу, и получая оныя чрезъ воспитаніе: и дабы извинить себя въ таковой несправедливости, то отвергаемъ мы, что сіи нѣжныя розы могутъ получить твердость суровыхъ Амарантовъ, не взирая, что каждый вѣкъ многократныя примѣры являетъ на противъ намъ.

Какъ изъ пріятности Сагебова вида, такъ и изъ рода словъ его, могъ я заключать, что онъ былъ въ любви щастливъ, то смѣялся я о ревности его за прекрасный полъ, но не перемѣнилъ моего намѣренія. Понеже кто единожды здѣлалъ разумное заключеніе, тотъ долженъ не колеблемъ быть къ представленіямъ голосовъ противурѣчущихъ, такъ какъ высокая каменная гора въ морѣ выдерживаетъ удары волнующейся непостоянной стихіи.

Аргіасбъ соглашался на всѣ требованія мои, съ возстающимъ отъ малодушія сердца согласіемъ; вручалъ мою или лучше сказать свою судьбу небесамъ съ таковымъ изліяніемъ сердца, что не оставилъ ни малѣйшаго чувствованія о разлукѣ съ своею дочерью.

Кроткій Сагебъ согласился, отсрочить возвращеніе мое въ Іемень, и начальствовать отборнымъ и сильнымъ прикрытіемъ, коему я ввѣрилъ мою супругу. Ацинь избралъ оное изъ Карецмянъ, и слѣдовалъ при томъ самъ, для поданія при случаѣ наставленій; двухъ же разбойниковъ, и двухъ невольниковъ Ацимовыхъ оставилъ я при себѣ.

Здѣлавъ таковыя учрежденія, выступилъ я послѣдуемъ двумя стами тысячъ ратниковъ, коихъ жадность въ крови ни съ чемъ нельзя было сравнить, какъ только съ почтеніемъ къ ихъ военачальнику, за Геонъ.

Я употреблялъ пристрастіе, которымъ они ко мнѣ были объяты, ко удержанію первыхъ движеній ихъ свирѣпства; и чтобъ дать Цериру время, достигнуть Хоразани, то выдумалъ я на себя болѣзнь, которая всѣ сердца обезпокоила, и охладила.

Между тѣмъ разбойники испытывая сердца всѣхъ ратниковъ, и нашли оныя толь отвращены отъ мира. что я перемѣнялъ первое намѣреніе, и выдумалъ гораздо разумнѣйшее.

Не успѣлъ я услышать о разносящемся по Иранскому воинству имени Церириновомъ, оставилъ я мои окопы, поставилъ войски въ боевой порядокъ, и здѣлалъ предложеніе вызвать брата моего на поединокъ. Сперва не хотѣли они на сіе согласиться, не отъ того, чтобъ опасались ввѣрить мнѣ судьбу свою, но по врожденной дикости, кою они столькожъ хотѣли произвести въ дѣйство.

Но понеже Принцы Фирцана и Фигуць, желали возвратить мнѣ часть славы, которою должны мнѣ были по двумъ прежнимъ моимъ подвигамъ, уговорили она Туранцовъ согласиться на мою волю,

Взявъ съ нихъ прислугу, чтобы они, въ случаѣ есть ли я побѣжденъ буду, необнажали мечъ мщенія, но ожидали бы опредѣленія своего отъ Царя Иранскаго, возвратился я въ окопы близъ воинскаго стана находившіяся, гдѣ оставилъ я Кенаію, и говорилъ ей тако;

Естьли добродѣтель твоя и любовь равняется моему почтенію и моимъ ожиданіямъ, то судьба можетъ тебѣ въ малыя мгновенія подать случай оное доказать, и славу твою пренести въ отдаленнѣйшія части свѣта. Я вызываю

на поединокъ Царевича Церира: когда я побѣжденъ буду, употреби въ пользу замѣшательство въ воинствѣ произойти имѣющее, и въ препровожденіи Сагеба, ищи своего Коресха у Иранцовъ.

Я повинуюсь тебѣ, въ томъ состояло все, что Принцесса сказать могла; она упала на меня: равно какъ прислоняется къ землѣ нѣжная отрасль, когда сильный ударъ вѣтра колеблетъ слабое ея тѣло; и соединенная съ потоками слезъ горестъ ея, конечно вредила бы моему мужеству, естли бы я не укрѣпился.

Какъ Геролдъ мой былъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ невольниковъ, то принеси мнѣ отвѣтъ соразмѣрный моимъ намѣреніямъ; онъ умолчалъ о угрозахъ Церира, коаго жестокою радостю о битвѣ, намѣренъ былъ я предупредить открытіемъ, прежде начатка сраженія.

По тому выѣхалъ я на ратное полѣ, въ видѣ непріятеля, но съ сердцемъ подданнаго и сына, имѣющаго намѣреніе, подвергнуть власти своего Монарха гордый народъ, и въ руки родителя предать честь мою.

Да, мой сынъ возлюбленный, вскричалъ Логоразвъ, обнимая нѣжнѣйше Царевича, слава твоя не потерпишь отъ сего опыта твоя должности и сыновняго благонадѣянія, Туранцы не будутъ имѣть причины жаловаться, что ты предалъ ихъ во вредъ, и имя Гистаспа и измѣнника не будутъ возглашаемы купно.

Такое обѣщаніе, о великомочный Царь, сказалъ Тудерць, идетъ выше твоей и всякой человѣческой силы. Кто можетъ низложить Гидру злобы, заткнувъ стоглавныя ея зевы, лающія ни дѣянія великихъ мужей коль скоро оныя прожорству ея хотя малѣйшее даютъ побужденіе. Ты Царевичъ легко можешь оправдать предъ Туранцами, но вѣрность его противу тебя, будетъ возражаема потомствомъ, въ случаѣ естли ты его отъ очевиднаго преступленія не освободишь чрезвычайнымъ знакомъ почтенія и любви твоей.

Слова премудрости всегда во устахъ твоихъ, о другъ мой, отвѣтствовавъ Логоразвъ; ты управляешь плаваніемъ моимъ къ пристанищу моего благополучія, на которое почасту видалъ. ты меня взирающа очами желанія. Я отдаю Гистаспу мою Корону, я поручаю добродѣтелямъ его Царскую власть. Черезъ то защищаю я его поступокъ, который хотя не вовсе свободенъ отъ неосторожности, но достоявъ награды по доброму намѣренію.

Владѣй, мой сынъ, продолжалъ онъ, владѣй надъ Туранцами, или лучше сказать, да владѣетъ ими въ особѣ твоей правосудіе. Предложи Туранцамъ великодушный миръ, и принудь ихъ, ненавистное имя непріятеля потерять въ названіи своего возлюбленнаго военачальника. Условія договора совсѣмъ для тебя оставляются, ибо съ сего мгновенія начнешь ты повелѣніи во всѣмъ пространствѣ Царства моего, кромѣ подлежащей намъ части въ Карецмѣ, въ которой Цериръ покажетъ преизящества сердца своего въ особѣ Короля съ

таковою же горячностію, какъ оказывалъ то твоимъ братомъ. Благородное подражаніе истинной славы, да будетъ постояннымъ. Свидѣтельствомъ взаимнаго вашего почтенія, каждое похвалы достойное дѣйствіе сего или другаго, укрѣпитъ ваше несравненное дружелюбіе, и послѣднія дни мои окропитъ рососою спокойства и удовольствія.

Когда Царь сіе говорилъ, оба Царевичи не преставали обнимать нѣжнѣйше его колѣна, со всѣми знаками несоглашенія на предлагаемую имъ отъ него милость; и отрѣкались торжественно; но Логоразвъ примолвилъ.

Какія чада, могутъ отказать престарелому своему родителю, понести тяжкое и долго временно носимое имъ бремя? Стрегитесь, чтобы любовь ваша къ отцу своему не обманула васъ, и не явилась недостаточна въ важномъ опытѣ требуемаго отъ васъ повиновенія.

Слова сіи приложили печать должности ко устамъ подобострастія, и онъ возложилъ вѣнецъ свой на главу Гистаспу {*Гистаспъ, коего Греки именуютъ Дарій, сынъ Гистасповъ, былъ Европейцамъ извѣстенъ болѣе отца своего; ибо онъ столицу Царства своего изъ Хорозани перенесъ въ близлѣжащую Персиду. Онъ тѣмъ прославился, что принялъ ученіе Зороастрово, и подданныхъ своихъ принудилъ послѣдовать примѣру своему, сіе произошло по совѣтамъ Везира ево Гіамаска, человека извѣстнаго по замѣшательствамъ, въ которыя запуталъ онъ своего государя, чрезъ неправильную свою Астрологическую книгу, и чрезъ безумную ревность къ еретичеству, повредившему чистую вѣру Персовъ. Приключенія Гистасповы въ простомъ состояніи, родъ достиженія его на престолъ, разлученіе его съ любезнымъ братомъ его Цериромъ, сшествіе ихъ предводителями своихъ войскъ, все сіе въ персидскихъ Лѣтописяхъ, точно какъ здѣсь повѣствуется.*}. Въ сіе мгновеніе вошла Кенаія провождаема Сагебомъ, въ шатеръ Царскій.

Блескъ діадимы не коснулся очей Принцсинныхъ; она бросилась во объятія Гистасповы, и видѣла въ немъ только возлюбленнаго супруга своего Коресха: но восхищенія ея едва ли можно сравнить съ радованіемъ Церира, когда ему судьба возвратила его брата.

Гистаспъ имѣя въ безопасности свою супругу, приступилъ къ переговорамъ съ Туранцами: опредѣлено позвать ихъ начальниковъ; Гудерць и Ацимъ получили предложеніе, возвѣститъ имъ оное, и представить себя до возвращенія оныхъ въ залогъ.

Туранцы были вѣрны въ своемъ обѣщаніи; они отвергли предлагаемую безопасность, говоря, что они обязаны принять всѣ приличныя условія, и къ освобожденію своего военачальника подвергнуться и тяжкимъ.

Между тѣмъ Гистаспъ съ Кенаіею возшелъ на престолъ, и сталъ окруженъ всею пышностію и величествомъ; чего Азіатцы не забываютъ и въ походахъ своихъ на брань.

Не можно изобразить изумленія Фирцаны, Фируца и прочихъ начальниковъ при семъ неожиданномъ взорѣ; они почти сумнѣвались о дѣйствительности онаго. Гистаспъ смѣялся, и говорилъ:

Да не премѣнятся сердца наши переменною моего состоянія. Царь Иранскій еще вашъ Коресхъ, онъ желаетъ быть онымъ всегда. Аргіасбъ безъ сумнѣнія проститъ мнѣ обманъ, набавившій его отъ погрѣшенія и опасностей неправедныхъ войны: Гистаспъ заподлинно ввезенъ въ оковахъ въ его области, прежде нежели принялъ онъ особу Коресха, слѣдственно ревность Гіамасбова имѣетъ доброе и извиненіе своей неосторожности.

Какъ я доказалъ вамъ, что возвышенный духъ не токмо весьма удаленъ дозволить мѣсто по злой ненависти обоихъ нашихъ народовъ, но распространяетъ благодѣянія свои на всѣхъ человѣковъ, то угасимъ на вѣки неистовые несогласіе между Туранцами и Иранцами. Я оставляю всѣ требованія, которыя имѣетъ Кенаіа на престолъ Туранскій, и радуюсь счастливою надеждою, что заступитъ оный Принцъ Фирцана.

Договоръ между отца и сына не можетъ быть иной кромѣ размѣна любви; на сей ногъ дѣлаю я Агіазбу предложенія, и сохраню оныя ненарушимо, только прошу его, чтобы онъ Карецмянъ, между которыми я родился, и кои заслуживаютъ милость своего Государя, принялъ въ особое покровительство.

О преизщный Государь! вопіялъ Фирцанъ, который по исполненіи должностей человѣка въ столь многоразличныхъ состояніяхъ, днесъ возвышенъ въ достоинство Царя царей. Желаніе твое продолжительнаго мира между обоихъ ревнующихъ странъ будетъ исполненно, понеже примѣры дѣлаютъ въ сердцахъ людскихъ впечатленіе. Дозволь Фирцанѣ быть посломъ предложенія вѣчнаго дружества, онъ уповаетъ возвратиться съ радостнымъ соглашеніемъ Аргіасба; и естли его совѣтъ что либо можетъ, то Карецмъ уступленъ будетъ яко приданое твоей Царевны, и должная дань твоему великодушію.

Тогда начальники Туранцовъ угощаемы были съ Царскимъ великолѣпіемъ; Фирцана вступилъ въ краткій путь свой, а войски имѣли между собою дружественное обхожденіе и сожалѣли о дняхъ, кои препровели подъ ненастнымъ небомъ слѣпя ненависти. Но разумный Гудерцъ въ постоянствѣ новости, поставлялъ недовѣрчивость, по предразсудкамъ древлѣ вкорененныхъ расположеній, и представлялъ Гистаспу, что часть Карецма, предлагаемая отъ Фирцана, вскорѣ подастъ случай къ нарушенію толь желаемого мира, и что Геонъ есть природный предѣлъ между обоихъ Государствъ. Но Гистаспъ не слушалъ его совѣтовъ, онъ желалъ имѣть удовольствіе, видѣть Церира владѣющаго древнимъ пространствомъ сего прекраснаго Королевства; и принялъ помянутый подарокъ, который отъ боязливаго Аргіасба поднесенъ съ торжественными обнадеживаніями любви и благодарности.

Новый Царь Иранскій оказалъ не меньшее упорство свое къ представлениамъ въ томъ, когда онъ начальнику разбойниковъ ввѣрилъ правленіе надъ Дагестаномъ и и Ширваномъ, не взирая, что должно бы осмотрѣться ему изъ прежняго онаго поведенія, и по прозѣбамъ Ацима, который истинно ему совѣтовалъ, что оный можетъ другимъ легчайшимъ средствомъ награжденъ быть.

Логоразвъ поступокъ сына своего въ случаѣ семъ не могъ оправдать, но не хотѣлъ ни въ чемъ препятствовать намѣреніямъ его; онъ оставилъ провидѣнію путеводство его, и слѣдствіямъ проступковъ своихъ направленіе, и удалился съ супругою своею и Гудерцомъ въ городъ Балль, дабы посвятить остатокъ дней своихъ покою и разсужденіямъ.

Сіи были не единныя погрѣшности учиненныя Гистаспомъ въ началѣ его царствованія. Онъ наградилъ Гіамасбову ревность къ себѣ безпредѣльною довѣренностію, не разобравъ, что хотя бы сіе усердіе и чистосердечно было, и способности Принца оправдывали бы такую довѣренность, но что не всегда благоразумно, славу и покой свой влагать въ руки тайному совмѣстнику своего престола: ибо неограниченный Везирь можетъ сердце, на него полагающееся, пронзить тысячью невидимыхъ острій неблагодарнаго честолюбія.

Когда Гистаспъ учинилъ толь худой выборъ, Нериръ остался твердъ, при жребіи положенномъ отъ него на Сагеба, который по повелѣнію премудраго Локмана, принялъ на себя часто отяготительно бывающее, но естли вѣрно оное пренесется, славно остающееся бремя; и испросивъ себѣ только дозволеніе, съѣздить въ Іемень за своими домашними.

Морадъ чувствуя предвѣстія приближающагося конца своего, понуждалъ Сагеба ускореніемъ ѣзды его въ Туранъ, понеже въ другъ своемъ ожидалъ найти ревностнаго покровителя своей жены и единочаднаго сына. По смерти его пріятная Гулруца приобыкшая къ тягостямъ болѣе, нежели о нѣжномъ ея полѣ помыслить должно, послѣдовала за Сагебомъ, и какъ желала она Локману, представить сына своего, молодаго Елиха, то въ такомъ пристойномъ намѣреніи не могъ онъ отказать ей.

Хотя близкая надежда соединенія услаждаетъ горести разлуки; но Цериръ не могъ разстаться съ Сагебомъ не чувствуя печали, коя едва ли была менѣе, когда принужденъ онъ былъ проститься съ своимъ братомъ. Съ прискорбнымъ сердцемъ вступилъ онъ въ путь къ Королевству своему, что казалось быть предчувствованіемъ приближающихся къ нему противностей.

Но какъ пылкій духъ не можетъ долго зависѣть отъ унынія, мрачность помышлений его разсѣялась лучемъ въ коренной любви. Первое попеченіе его устремлялось, разослать всюду вѣрныхъ пословъ, для открытія жилища Перизадина; поелику, хотя и возложилъ онъ особливо развѣдованіе сіе на Сагеба, но въ случаѣ семъ не вѣрилъ и премудрому Локману.

Естьли продолжительныя часы ожиданія любовнаго могутъ замѣняться предметами, кои чужды сей неутомной страсти; то Церирь нашель выгоды сіи на престолѣ, окруженномъ всею тѣмъ, что трогаетъ сердце и увеселяетъ чувства. Онъ принять былъ отъ новыхъ подданныхъ своихъ, народа живѣйшаго и благонравнѣйшаго во всей Азіи, съ обоженіемъ, и коего взоры наблюдали предварить его желанія. Земля собственно открывала очамъ его всѣ прелести природы, увеличенныя прикрасами обворажающаго искусства.

Съ начала изыскивалъ онъ различныя средства ко спокойству, или по меньшей мѣрѣ, къ разогнанію скуки, одно за другимъ, что только ухватить могъ, и нашель оныя неспособными къ ослабленію бури страстей своихъ, по чему разумно взялъ прибѣжище къ защитѣ нужныхъ упражненій, и слѣдовалъ должностямъ излагаемымъ на него его чиномъ. Но и тутъ бунтующимъ вѣтромъ горячаго своего сложенія, выходилъ за предѣлы предписываемыя разумомъ.

Добрыя свойства его и добродѣтели въ безмѣрности своей были толикожь вредны какъ пороки и погрѣшности. Правосудіе его стало лютостію; милость слабостію; щедрота расточеніемъ; и любовь его къ порядку неноснымъ тиранствомъ, такъ что каждое дѣяніе его шествовало въ безпокойствѣ, и провоздалось раскаяніемъ.

Посреди таковыхъ противностей, кои онъ ощущалъ разительно, не зная ихъ причины, не преставаель желать возвращенія Сагебова, котораго присутствіе нужнѣе учинилось ему войною, въ каковую запутань сталъ онъ своимъ неистовствомъ.

Малая земляца Дилемъ, по берегу Каспійскаго моря лѣжащія, считалась хотя къ провинціямъ Иранскимъ, и платила дань царству сему, но удержала имянованіе Королевства, бывъ владѣема собственнымъ Государемъ. Право сіе пожаловано Дилемлянамъ {Земля Дилемъ, есть древняя Кадузія.} отъ Феридуна {Феридунъ пятый царь Персидскій, былъ сынъ Гемшидовъ. Онъ послѣдовалъ добродѣтелямъ отца своего и щастливей онаго исторгъ царство у неправеднаго владѣтеля Цохака, коего лютости и страшная кончина подали случай ко многимъ баснословнымъ повѣствованіямъ.}, когда спасли они его отъ ярости Цохака, неправеднаго хищника его престола.

Какъ слабость содержитъ себя въ оковахъ покорности, то и Короли Дилемскіе были очень осторожны, дабы не оскорбить сосѣдей своихъ, и часто горестную чашу обидъ вкушали безъ роптанія.

Но какъ насиліе обыкновенно къ враждѣ приводитъ, то и Дилемляне, подкрѣпляемые рукою злобы и мщенія, сбросили личину терпѣливости, и собрали противу Церира войско, а оскорблены отъ него были слѣдующимъ.

Между благородными Карецмяны, коихъ льстило возходящее солнце достоинства Королевскія милости, былъ Нарси наиболѣе освѣщенъ благодѣтельствующими онаго лучами.

Сей юноша, довольно возгордившись уже тѣмъ, что имѣлъ многія дарованія отъ природы и щастія, вскорѣ вздумалъ, что его желаніямъ не возможно быть предѣловъ.

Онъ посланъ былъ Посломъ въ Дилемъ, для прекращенія несогласій, возставшихъ между купечества обоихъ земель; ибо Цериръ не токмо имѣлъ попеченіе укрѣпить торговлю съ ревностію достойною премудраго Государя, но и входилъ въ подробности тѣ, кои во оной поручаются бдѣнію опредѣленныхъ служителей.

Миролюбные Дилемлянѣ не могли отказать согласіе на требованія славнаго и страшнаго ратователя. Король ихъ не оставилъ ничего, чемъ бы только доказать почтеніе свое къ Цериру; онъ созвалъ на пиръ Королевскій, учрежденный для Посланника не только всѣхъ вельможъ своихъ, но показалъ при ономъ и единородную дочь свою Ситару.

Молодая Принцесса была комета, явленная судьбою напыщеннаго Парси, котораго необузданный нравъ вмѣсто, чтобъ укротиться разумомъ, слѣдовалъ побужденіямъ одной дерзостной любви.

Онъ отвергъ права гостепріимства и должности своего освященнаго званія, напалъ на увеселительный домъ, гдѣ Принцесса вкушала прелести уединенія, и охраняема была только безопасностію подобострастною, невиннаго своего народа; и увезъ оную насильно на корабль, стоявши въ готовности къ отплытію въ Карецмъ.

Столько не могъ онъ уповать на милость Церира, чтобъ явиться съ тѣмъ при Дворѣ; но присталъ къ замку, который имѣлъ онъ на берегу Каспійскаго моря. Братъ Ситаринъ гнался въ сѣдъ за нимъ толь близко, что ночь назначенная имъ къ удовлетворенію порочныя любви, освѣтилась блеклымъ факеломъ ужаснаго позорища мщенія.

Какъ Принцъ Дилемскій сумнѣвался, чтобы можно ему было взять замокъ толь скоро, сколь требовали обстоятельства, предпочелъ онъ смерть сестры своей ея обезпеченію, и приказалъ воинамъ своимъ бросать зажигательныя вещи на стѣны проклятаго замка, который въ малыя минуты обращенъ въ пепель; Принцъ думая, что ни одна душа не убѣгла пламени, возвратился въ Дилемъ.

Между врожденными страстями, коихъ излишества повергають духъ въ смятеніе, нѣтъ ни единой толь безъуспѣшной въ намѣреніяхъ какъ гнѣвъ; по чему и Нарси, подъ благосклонностію замешательства нашель средство, проскользнуть ряды воиновъ, окружающихъ горящій его замокъ; онъ оставилъ Принцессу подлѣйшимъ образомъ, и отдалясь отъ замка ожидалъ конца сего страшнаго приключенія, не и иначе, какъ бы оное отнюдь до него ее касалось. Когдажъ румяная заря споря съ блескомъ угасающаго пламени, явила ему жалостныя остатки полнаго нещастія, удаляющихся его непріятелей, и збѣгшихся къ берегу обывателей, оставилъ онъ мѣсто, гдѣ лѣжалъ притаившись, разодралъ свои одежды, и соплелъ горчайшія

жалобы и клеветы на измѣну Дилемлянъ ни мало не включа о себѣ, что принудилъ ихъ къ тому своимъ преступничествомъ.

Онъ спѣшилъ ко двору Карецкому, и донесъ Цериру, что король Диленскій вмѣсто согласія на праведныя его требованія, дѣлалъ покушенія на жизнь его, и гнался за нимъ до замка, въ который ушелъ онъ отъ злости сей, и по щастію спасся.

Цериръ отъ ложнаго сего доноса, коему никто не противурѣчилъ, пришелъ въ жестокой гнѣвъ, и клялся не быть спокойнымъ, по коль за причиненное оскорбленіе Послу его, не истребитъ всѣхъ Дилемлянъ.

Коль скоро услышалъ Король Дилемскій, что Нарси взволновалъ руку правосудія; кинжалъ скорби прошелъ по сердцу его, и страхъ отъ ярости Церировой умножилъ рану. Напослѣдокъ вознамѣрился онъ, послать въ Карецмъ Посольство, для донесенія истинны Гочударю, славному не менѣе по справедливости своей, какъ и храбрости. Въ слѣдствіе чего нагрузилъ онъ корабль не токмо обыкновенными подарками, кои у Азіатцовъ въ таковыхъ случаяхъ бывають посылаемы, но и всякими рѣдкостями собранными чрезъ предковъ его въ многія годы.

Посоль его, избранный изъ среды чиновнѣйшихъ и премудрѣйшихъ Вельможъ его двора, отъѣхалъ съ истинною надеждою, но нашелъ себя очень скоро оною обманута: понеже лишь только прибылъ къ берегамъ Карецмскимъ, былъ со всѣми послѣдующими своими умерщвленъ, подарки брошены въ море, и корабль сожженъ.

Нарси, коему по нещастію поручено было исполненіе сего бѣдственнаго повелѣнія, подавилъ вопіющій гласъ невинности, побуждалъ къ убійству, и избѣгъ чрезъ то еще достойной казни.

Когда по сему Дилемлянамъ не остаюся способа оправдать себя прямымъ путемъ; и какъ всѣ старанія ихъ, доставить настоящее происшествіе слуху Церирову, учинились безплодными: то прибѣгли они къ Сатрапамъ ближайшихъ земель, и просили о посредствѣ, а особливо бывшаго начальника разбойниковъ, коего области Дагестанъ и Ширванъ смѣжны были къ Дилему.

Хотя сіи дикіе грабители содержали себя въ предѣлахъ должности, съ тѣхъ поръ какъ Гистаспъ, на опытѣ отъ своекорыстія не вовсе свободныя добродѣтели, избыточественно наградилъ милостію, но подлыя сердца ихъ не могли забыть оскорбленія, когда представлялся имъ случай къ отмщенію.

Не смѣли они напасть явно на Церира за то, что хотѣлъ онъ прежде вырвать у нихъ несправедно содержаннаго подъ карауломъ брата своего; ибо Аратъ сей былъ ихъ Самодержецъ, но вмѣсто чтобъ подкрѣпить Дилемлянъ въ желаніи оныхъ мира, побуждали они ихъ къ войнѣ, и предлагали имъ всякую помощь, если только подкрѣпленія сіе будетъ закрыто молчаливостію.

Нѣтъ горчайшаго непріятеля какъ тотъ, коего вопль на время удержанный предразсудками, и вдругъ освободится отъ сего принужденія Король Дилемскій принялъ съ восхищеніемъ предложеніе разбойниковъ, и учинилъ всѣ пріуготовленія съ таковою поспѣшностію, что зналъ въ Корецмъ съ многочисленнымъ войскомъ, прежде нежели чаяли, чтобъ дерзнуть онъ самъ нападать, а не обороняться.

Цериръ пренебрегалъ своего противника, котораго подкрѣпляющихъ источниковъ не вѣдалъ; онъ думалъ, что Дилемляне оставили землю свою пусту, и надѣялся въ одно сраженіе истребить ихъ совершенно. Но вскорѣ къ стыду своему позналъ, что отчаянная храбрость не толь достаточна противу искусныхъ и порядочныхъ ратниковъ, какъ противъ безправильной толпы варварскихъ грабителей.

Вспыльчивый его нравъ не давалъ мѣста разсужденіямъ, коихъ подпора крѣпче есть руки смѣлаго предводителя многихъ тысящъ, ему несвѣдомы были правила устроить людей своихъ выгоднымъ образомъ; запальчивостію перваго нападенія ряды его завсегда были срываемы онъ находилъ себя вдругъ покрыта лаврами неустрашимаго ратника, и стыдомъ несмысленнаго полководца. Такъ потерялъ онъ два сраженія, когда между тѣмъ непріятель въ величайшемъ порядкѣ ворвавшись внутрь королевства, окрестъ себя распространилъ смерть и ужась.

Однако вѣрность Карецмянъ не поколебалась, не взирая, что и лучшія намѣренія Государя имѣли худыя слѣдствія; но со всѣмъ ихъ попеченіемъ не могли уже они долѣе отвращать гибель земли своей, если не получаютъ скорой помощи, и къ тому Цериръ не могъ вознамѣриться, искать защиты, противу народа имъ очень презрѣннаго, и который уповалъ истребить одною своею храбростію.

Наконецъ благодарность побѣдила гордое сердце его; воздыханія почтительныя, кои слышалъ онъ ежедневно, имѣли въ него вліяніе, чего не достигъ бы вопль неудовольствіи. Онъ возвѣстилъ брату своему крайности въ которыя дошелъ, и сообщилъ ему обстоятельства, кои по мнѣнію его справедливость поступка его довольно доказывали.

Въ томъ какъ по сожалѣнію къ подданнымъ своимъ ожидалъ онъ съ полною нетерпѣливостію благосклоннаго отвѣта, и тяжкое бремя худыхъ произшествій несъ съ обыкновеннымъ своимъ постоянствомъ, вдругъ лишень сталъ единаго утѣшенія въ нещастіи, помышленія, что онъ не заслужилъ сего.

Незнакомая красавица приблизилась къ подножію престола его, и просила тайнаго выслушанія; которое получа говорила:

Престань, о праведный Король, престань любить чудовище, кое насыщаетъ злобу свою рѣками крови, ежедневно проливаемая: ибо злое дыханіе преступленія его, окружаетъ тебя мрачными своими парами, и собираетъ на помазанную главу твою, страшное изліяніе небеснаго гнѣва.

Я Королева Дилемская, которую измѣнникъ Нарси похитилъ у родственниковъ изъ земли ея, которая честь спаслась только полезною жестокостію о ея добродѣтели и добромъ имени пекущаго брата. Врожденная склонность, силою коея и несчастнѣйшій жизнь свою продолжить ищетъ, избавила меня изъ пламени; переодѣтая невольницею, ушла я непримѣтно моего подлаго гонителя, и моихъ нежалостныхъ родственниковъ. Хижина земледѣльца, была моимъ прибѣжищемъ, въ которой дни мои зарытыбъ были темнотою, естлибъ желаніе открыть обманъ добродѣтельному и праведенному владѣтелю, несильнѣе подѣйствовало въ сердце моемъ, жажды мщенія.

Церирао пораженіе и замѣшательство прибавлялось съ каждымъ словомъ, говореннымъ Ситарою; на послѣдокъ рука раскаянія была тяжка на его духъ, такъ что палъ онъ вспять на Королевскомъ престолѣ, и казался быть при послѣднемъ вздыханіи.

Принцесса стояла предъ нимъ нѣсколько, трепетавъ какъ листъ древесный, когда чувствуетъ онъ первый ударъ осенняго вѣтра, но какъ слава, которой она о Церирѣ слышалась, открыла путь любви въ ея сердце, ободрилась она сею приближаться къ Государю, и воззвать его къ жизни.

Взоръ благодарности была мзда за ея попеченіе: можетъ прекрасныя ея орошенныя слезами очи, возбудили бы въ немъ нѣжнѣйшія чувствованія, естли бы волнующіяся возставшія въ сердцѣ оскорбленнаго Короля страсти, не уменьшила оныхъ вліянія.

Замѣшательство и ужасъ Нарси, когда позванъ онъ предъ Монарха, и нашель тутъ неопровергаемую просительницу на свое преступленіе, и когда чель не возвратный приговоръ свой на лицѣ раздраженнаго Государя, описаны быть не могутъ.

Тщетно искала подлая душа его милости. Ему отсѣчена голова, и вручена Герольду (провозвѣстнику), имѣющему проводить Ситару. Къ сей сказалъ Цериръ:

Иди въ Воинскій станъ отца твоего, Королева! отдай ему сей мерзскій знакъ моего раскаянія; скажи ему, что онъ можетъ требовать всякаго пристойнаго удовлетворенія отъ Короля, который признается въ дурномъ поступкѣ своемъ, который по тому за долгъ считаетъ, искать мира, и охотно отдаетъ все за искупленіе онаго, кромѣ чести и должностей его званія.

Ситара вздохнула о такомъ возложеніи, и направила дрожація стопы къ воинству Дилемлянъ; ибо неохотно оставляла она пріятнаго, и уже много любимаго владѣтеля, какъ и представала вредъ взоры подозрѣвающаго и жестокаго родителя.

Страхъ ея былъ не неоснователенъ: Король Дилемскій воспрянулъ при взглядѣ на нее, и выслушавъ рѣчь ея важнымъ лицомъ, возопилъ;

Такъ убѣгла ты пламени, воспаленнаго на тебя честію, что бы побѣдоносное чело мое покрыть срамомъ? Но когда въ повѣствованіи твоёмъ есть что либо истинное, для чего не ввѣрила ты мщенія твоимъ родственникамъ, и за чѣмъ приходишь ты отъ моихъ и твоихъ враговъ, просить имъ пощады? Жертва твоего хищника, коя безъ суинѣнія спасла жизнь твою, и не токмо лишила тебѣ лести, но и добродѣтели, столькожъ мало ослѣпляетъ, какъ успокоеваетъ меня. Какъ она пожерта вѣроломному Королю, который привелъ тебя къ сему послѣдному шагу изступительнаго безстыдія, то можетъ онъ тебя и наградить по заслугамъ.

Я не хочу съ нимъ мира, когда онъ не пришелъ самъ просить о томъ, и не принесъ голову твою, естли содержитъ тебя за достойную казни, или не возвелъ тебя на престолъ съ собою, когда чаеть быть тебя невинною, и не уступаетъ мнѣ части Государства своего, коею владѣлъ я прежде, яко праведное завоеваніе.

И ты, продолжалъ онъ къ провозвѣстнику, котораго я животь щажу, да бы отвелъ ты назадъ недостойную женщину, трепещи приблизиться вторично въ ополченіе мое, естли не принесешь купно соглашенія на преждеказанныя мною требованія.

Сія чрезмѣрная наглость Церира болѣе понурила, чѣмъ раздражила. Но сердце его было добро, что бы возмогло оно собственною печалію ожесточить скорьбь другихъ. Онъ поднялъ Ситару отъ земли; ибо она поверглась предъ нимъ, когда провозвѣстникъ пересказывалъ жестокія слова отца ея.

Кроткимъ гласомъ состраданія излилъ онъ предъ нею утѣшеніе, обнадеживалъ ее братнею любовію вмѣсто вѣрности, которой не можетъ дать ей, по таковымъ непріязненнымъ требованіямъ, хотя бы сердце его и не было назначено любовію другой. Потомъ повелѣлъ слугителямъ своимъ, оскорбленную Принцессу почитать съ приличнымъ подобострастіемъ, и отшелъ во внутренній покой, гдѣ ожидалъ его посланный, котораго послалъ онъ въ Герать, что бы множить на него новое бремя скорьби.

Онъ нетерпѣливо вскрылъ пріятный листъ своєю надежды; но коль ужаснулся, когда нашелъ оный въ мѣсто кистію дружества начертанныхъ выраженій нѣжностей, помраченъ укоризнами, произтекшими изъ пера поношенія въ слѣдующихъ словахъ.

"Гистаспъ, Царь Царей, Королю Цериру.

Когда война, кою ты одинъ собою, кромѣ моего участвованія началъ противу моего данника, имѣеть праведные причины, то въ добромъ послѣдствѣ возложись на волю небесъ и твою храбрость; и стыдись, требовать иныя помощи. Когда же на противъ, какъ носится молводержность и неразумность твоя мечь обнажила, то со смиреніемъ воспріимай наказанія, кою заслужили глупости твои и преступленія, во что я не могу замѣшивать невинныхъ моихъ подданныхъ.

Подобный страннику, застиженному ночью, и который в пещерѣ ищетъ покрову отъ угрозъ ненастнаго неба, сей слышитъ тяжкій полъ надъ главою своею колеблющее, и бѣжитъ по кучамъ опасностей, коихъ уклоняется: равно Церирь, лишенный послѣдней надежды своей, повергается онъ съ удвоенною запальчивостію въ среду своихъ враговъ, отъ чего удерживали его, въ началѣ слабость войскъ его и потомъ раскаяніе. Но хотя сама смерть казалась быть на остріи его сабли, и опровергающая съ нимъ купно ряды Дилемлянъ, но обезсилѣлъ онъ многими полученными ранами, и безчувственъ принесенъ назадъ вѣрными своими ратниками; что было для него щастливѣйшее состояніе въ мученіи его мыслей.

Такъ торжествовало сожалѣніе и постоянство, кои всѣваетъ природа въ сердца человѣческія, и кои, естли неиспорчено ихъ основаніе, возрастаетъ въ великодушныя даянія, у Карецмянъ надъ всѣми иными чувствованіями. Они не могли быть инако какъ недовольны Королемъ, понуришимъ ихъ на дно бѣдствъ и землю ихъ пригнавшимъ къ краю гибели. Они имѣли столь же многія причины жаловаться, какъ о неразумныхъ его правленіяхъ государствомъ во время мира, такъ и о неосторожныхъ поступкахъ въ войнѣ; но не взирая на то каждый изъ нихъ вознамѣрился, лучше пролить за него послѣднюю каплю крови, чѣмъ дать въ пасть ему въ руки безстыднаго непріятеля.

Безплодно употреблялъ Король Дилемскій, коего мщеніе насытилось драгоценною ихъ кровію, измѣнническія предложенія, къ симъ бѣднымъ, но не преклоняемымъ подданнымъ, о преданіи ему столичнаго города Цамакшара. Не токмо разсыпанныя толпы съ подобострастною ревностію, которая удвоили мужество и крѣпость ихъ, стекались, и соединились въ твердо укрѣпленномъ семъ городѣ; но и женщины принимали оружіе въ оборону несчастнаго своего Монарха, оставленнаго братомъ своимъ, добычу отчаянія, и почти лишеннаго жизни.

Толь славный опытъ вѣрности не долго оставался безъ награды. Провиденіе, въ коего правосудныхъ вѣсахъ проступки Церировы не вмѣнялись намѣреннымъ Преступленіямъ, и добродѣтели его подданныхъ имѣли свою важность, послало имъ заступлѣніе сильнѣйшее, нежели воинство.

Сагебъ, задержанный печальными случаями въ пути своемъ, прибылъ на послѣдокъ. Онъ вшелъ въ Цамакшаръ съ стороны Геона, гдѣ онаго не осаждали, и разліялъ новую жизнь въ сердцахъ.

Понеже многіе Карецмяне знали заслуги его, когда видали онаго при дворѣ Афрасіабовомъ, то приняли его такъ, каковымъ образомъ еще ни одинъ главный Везирь не принимался. Но какъ всякому воздано бы было, естли бы ввѣренный городъ попеченіямъ кого, не боялся напыщенной и своекорыстной власти сего, а взиралъ яко на предводителя ихъ вольности, и благодарилъ только человѣка, который неограниченнаго ихъ Монарха

старается и въ малыхъ распространеніяхъ умѣрить совѣтами, а не поощрять къ тому.

Добрый Везиръ спѣшилъ въ полату Церирову, ободрить его дружественными своими объятіями и принять отъ него нужныя объясненія въ настоящихъ расположеніяхъ дѣлъ, но не удалось ему въ намѣреніи.

Соединившееся злое втеченіе горячки и глубокаго унынія толь воспалило кровь опечаленнаго сего Государя, что коснулось оно и его разума. Въ такомъ состояніи нашель его Сагебъ, незнающа самаго себя, окруженна сѣтующими рабами, а наипаче въ надзираніи прекрасной Ситары, служащей ему съ осторожностію и нѣжностію невольницы, носящей цѣпи любви и благодарности.

Жестокъ былъ опытъ для Сагеба, что онъ вѣсть о Церировомъ умалишеніи не отъ иного, а отъ самаго его принять долженствовалъ, ибо благодарная душа сего далеко возвышалась надъ искусствомъ, кое хотя относится къ лучшимъ Вельможамъ правительства; но во время, когда симъ долженствуетъ принять кормила государства въ крайностяхъ, худое состояніе дѣлъ несказанно возвышаетъ, дабы чрезъ то заслугамъ своимъ, естли оныя пощастливить, придать больше знаменитости, или когда неудачны будутъ, уменьшить стыдъ свой.

Ни честолюбіе, ни высокое воображеніе о самомъ себѣ, не имѣли вліянія въ Сагеба при возпріятіи имъ его чина. Онъ призвалъ въ совѣтъ только должности свои противу челоуѣкъ, склонность свою къ Цериру, и вообще повиновеніе свое къ Локману. Удивительно ли же было, что онъ при толь чистыхъ побудительныхъ основаніяхъ уклонился отъ пути обыкновеннаго своекорыстнымъ Министрамъ, извиняя погрѣшности своего Короля, возышая добрыя его свойства, и ища уговорить Карецмянь, что праведная печаль ихъ о Церирѣ есть причиною, что не примѣтили они многихъ источниковъ спасенія, имъ еще оставшихся, и кои онъ самъ имъ покажетъ, и употребить потщится.

Съ таковою же кротостію, и съ таковымъ же безсвоекорыстнымъ измѣреніемъ, пощадилъ онъ имъ малодушное заключеніе о запертій себя въ стѣнахъ Цамакшара, и дѣйствовать только оборонительно. Онъ доказалъ имъ при томъ нужность, прогнать Короля Дилнмскаго прежде, доколь не сокружилъ онъ городъ, и лишилъ ихъ чрезъ то всякихъ привозовъ и помощи, и предложилъ, что бы послать молодаго Елиха по окрестностямъ Карецма для собранія новаго войска.

Какъ Сагебъ не достигъ еще лѣтъ, въ которыя зрѣлость духа оставляется силами тѣла, и не подобень былъ тѣмъ, кои въ совѣтахъ располагають начертаніе опасностей, не могли себя во оныя вдавать; то собралъ онъ кучку храбрыхъ мужей, и въ ночь оную изъ воротъ, стоящихъ противу непріятельскаго стана, учинилъ вылазку, и привелъ оныхъ тѣмъ удобнѣе въ

замѣшательство, что они возгордятся прежнимъ щастіемъ, въ безопасности покоились,

Подъ шумомъ битвы и благопріятствованіемъ ночной тьмы, переправился Елихъ за рѣку. Какъ имя отца его Морада, равно и имя Сагеба содержано было въ мѣстахъ оныхъ въ великомъ почтеніи; то вперилъ онъ не токмо въ много претерпѣвшихъ отъ войны Карецмянь новую храбрость, но побудилъ и многихъ Туранцовъ, принять участіе въ брани, въ которой могутъ они сражаться подъ приводствомъ толь возвышеннаго военачальника.

Между тѣмъ Везиръ частыми выласками и смѣлыми нападеніями, принудилъ Короля Дилемскаго отступить, и со всѣмъ очистилъ берега Геона отъ непріятельскаго оружія; по чему дружественные ратники могли безпрепятственно пристать въ томъ мѣстѣ, коимъ не задолго владѣлъ непріятель.

Тогда птица надежды разпростерла золотыя крылья свои надъ Карецмяны, желающими ревностно опустошителямъ земли своей дать рѣшительную битву; но Сагсбъ хотя видѣлъ надобность, не допустить остыть ихъ жару, но приуготовленія къ сему бѣдственному сраженію начиналъ съ великимъ отвращеніемъ.

Невѣденіе, что взялся онъ за несправедную сторону, было угнѣтающее сердце его; ибо хотя обвинялъ онъ первое Церирово заблужденіе, но считалъ, что гнѣвъ Короля Дилемскаго престалъ быть справедливымъ съ мгновенія, въ кое не удовольствовался онъ казнью виновнаго, и ожесточился къ пролитію невинной крови, не взирая на предлагаемыя всякія ему удовольствія. Но преизящный Везиръ былъ не того звѣрскаго рода Министровъ, кои на жизнь народа меньше взираютъ, чѣмъ на деревцы въ увеселительныхъ садахъ, кои подрубаютъ для открытія малѣйшаго вида вдаль.

Онъ считалъ, что краткіе годы, которые человекъ прожить можетъ, и безъ того по часту расточаются, неминуемыми и иногда тщетными заботами, и потому не простительно искать еще оныхъ сокращенія, кромѣ случая праведнаго защищенія, и въ намѣреніи доставить покой себѣ, который толь нуженъ, если желаетъ, чтобъ драгоцѣнное время казалось выгоднѣйшимъ.

Сіе въ самомъ дѣлѣ было основаніемъ, имѣвшимъ на него въ тогдашнихъ обстоятельствахъ втеченіе, къ тому же слѣдовало и еще важнѣйшее. Онъ по ввѣренному ему знанію считалъ себя обязаннымъ исправить несправедливости, Карецмянамъ отъ Церира причиненныя; когда онъ тогдажъ желалъ, чтобы Государь сей вкушалъ благополучія, кои тѣшился онъ доставить толь вѣрному народу, и отъ добрыхъ слѣдствій его дѣяній пожать славу, но не могъ того предвидѣть въ настоящемъ, жалости достойномъ расположеніи, не чувствуя скорби, помрачающей ея ревность, и умножающей замѣшательство, сродное нраву, наполненному всеобщимъ

благожеланіемъ, когда должностію и нуждою принуждается оскорблять каждаго.

Между тѣмъ сіе усердное его желаніе, за день предъ назначенною битвою, не осталось безъ награжденія, милостію заслуживаемою отъ силы сердца испытующей, и коя веселится о намѣреніяхъ непредковенныхъ презрѣннымъ металломъ своекорыстія.

Въ добрый часъ присутствія разума позналъ Церирь своего друга, и съ того мгновенія престола смерть плавать надъ главою его. Разумъ его воспріялъ свое господство, и боролся съ потокомъ радости, проліявшимся въ сладкомъ слезномъ токѣ по оживленнымъ его ланитамъ.

Трогающее раскаяніе его о произшедшемъ поступкѣ, ужась о слѣдствіяхъ отъ онаго, утвердили Сагеба въ добромъ мнѣніи, кое имѣлъ о его сердцѣ, и въ надеждѣ достигъ добродѣтельнаго намѣренія, видѣть добраго Короля оправданна на престолѣ.

Съ таковымъ пріятнымъ предчувствіемъ нашелъ Везирь на непріятеля, гораздо въ числѣ своемъ сильнѣйшаго. Но какъ воинство его устроено было разумомъ, и приводимо мужествомъ, то слѣдовала побѣда, спутница сихъ соединенныхъ добродѣтелей,-- по слѣдамъ его, и увѣнчала чело его лаврами славы.

Коль ни сильно было съ обѣихъ сторонъ первое нападеніе; но Дилемляне скоро приведены въ безпорядокъ, Принцъ ихъ взявъ въ плѣнъ, и разсѣянная войска жизнію своею обязаны были только милосердію Сагебову, который запретилъ ихъ преслѣдовать.

Сіе злощастіе низвергло Короля Дилемскаго съ вершины высокопарныхъ гордости въ пропасть слабодушія, охотно бы за свободу сына своего, и безпрепятственное возвращеніе въ землю свою, согласился онъ на всѣ условія. Но какъ онъ великодушіе Церирова назвалъ именемъ низкія робости, и въ поруганіе ему войну продолжилъ, то опасался и для себя таковой же судьбы.

Онъ взялъ прибѣжище къ притворству, помощи ползающихъ душъ, и казался долгое время о противностяхъ своихъ быть безпечальнымъ; но не выходилъ изъ своихъ укрѣпленій. На послѣдокъ послалъ онъ провозвѣстника въ Карецмскій лагерь, и просилъ съ довольною холодностію переговора для примиренія.

Прозорливый Везирь проникъ сей льстивый поступокъ, и не сумнѣвался о намѣреніяхъ, кои тотъ скрыть хотѣлъ. Но какъ былъ въ мысляхъ, несправедливость, подавшую къ войнѣ причину, исправить похвальнымъ миромъ, принялъ онъ предложеніе.

Церирь, коего здоровье опять возстановилось, и который возвращеніе спокойства духа своего ожидалъ отъ приключенія, долженствующаго освободить его отъ раскаянія, выѣхалъ верхомъ для сокращенія скучныхъ часовъ, въ день назначенный къ переговорамъ Короля Дилемскаго съ

Сагебомъ, прогуляться по пріятнымъ лугамъ и лѣскамъ около Цамайшара, такъ что ни одинъ изъ служителей его онаго не примѣтилъ.

На немъ не было знаковъ его достоинства, кромѣ вооружающей его сабли. Углубленный въ размышленія заѣхалъ онъ далѣе, нежели чаялъ. Но возбужденъ отъ онаго голосомъ птицы, которая его нѣкогда разлучила съ Сагебомъ. Едва проникли во уши его слова: Перизада любитъ Церира, то бросился онъ съ прежнею быстростію къ мѣсту, откуда слышалъ пріятный звукъ, и нашелъ малое сіе нескромное животное въ рукахъ купцовъ, употребившихъ перемиріе, къ продолженію пути своего.

Съ начала просилъ онъ ихъ довольно вѣжливо, продать ему птицу сію, продолжалъ нѣсколько времени уговаривать ихъ къ тому, и давалъ ужасную цѣну. Но какъ они не только отказали ему презрительно, но и прочь оттолкнули: то горячее сложеніе его прорвало оплотъ слабый разсудка. Онъ извлекъ саблю, и покушался получить силою, къ чему уговорить не могъ.

Купцы вострепетали отъ его ярости, подобно ластовицамъ дрожащимъ при видѣ копча, и устремились въ бѣгство. Цериръ гнавъ ихъ, неосторожно заскакалъ въ ряды Дилемлянъ, безпрестанно крича: Стойте, подлые трусы продайте мнѣ птицу, или оспорьте мнѣ мужественно особу, которой она надлежитъ

Караульные уелышавъ таковую рѣдкую ссору, почли то за ухищренный противу ихъ обманъ, здѣлали тревогу, по чему въ мгновеніе Цериръ и купцы окружены, обезоружены, и окованы цѣпями.

Между тѣмъ Сагебъ заключилъ миръ съ Королемъ Дилемскимъ, который не могъ скрыть изумленія своего о полученіи неожиданно выгодныхъ условій, ибо хотя добрый мужъ испытуетъ сердце злаго по опытамъ, но сей никогда не откроетъ источника благородныхъ и добродѣтельныхъ дѣяній.

Король Дилемскій нашелся на верьху своей радости, свѣдавъ о добычѣ своихъ караульныхъ; и какъ хотѣлъ онъ принять видъ великодушія, то приказалъ привести предъ себя плѣнниковъ, и сказалъ Везирю:

Нѣкоторые люди твои нарушили тишину оружія, и пойманы въ томъ моими войсками; но чтобы подать тебѣ свидѣтельство, что въ сердцѣ моемъ не осталось сѣмени злобы, хочу я дать имъ воспользоваться незаслуженнымъ благодареніемъ, и выдать тебѣ оныхъ прежде общаго размѣна плѣнныхъ.

Сагебъ, коему жизнь cadaго человѣка не была равнодушна, принялъ даръ сей съ благодареніемъ. Но коль ужаснулся онъ, увидя между плѣнными Короля своего.

По щастію для Церира Дилемлянене видывали его инако, какъ въ переди войскъ сражающагося. Сему обстоятельству одолженъ былъ онъ своею цѣлостію; но болѣе разуму и присутствію духа Везиря своего, который не смутясь говорилъ съ Королемъ Дилемскимъ.

Сии люди равно и я, очень обяваны твоему великодушію за милостивый твоой поступокъ во беззаконномъ ихъ поведеніи. Потомъ обратясь къ нимъ, продолжалъ съ холодною суровостію:

Когда Король былъ толь щедръ, пожаловать вамъ свободу, то идите, учитесь разумнѣ вести себя, и спѣшите скрыть заслуженный стыдъ.

Цериръ опасностію своею возбудился отъ сна любви, и усмотрѣлъ безумство свое. Въ безмолвномъ замѣшательствѣ удивлялся онъ премудрости Сагеба. Онъ разумѣлъ смыслъ послѣднихъ словъ его, и подъ видомъ скрыть стыдъ, покрылъ онъ лице свое, проходя сквозь толпу служителей Везирскихъ, кои безъ сумнѣмія узнавъ бы его, не удержались отъ знаковъ ужаса и удивленія. Онъ поспѣшилъ на конѣ своемъ возвратиться въ Цамакшаръ; но не оставилъ примѣтити путь, которымъ слѣдовали купцы, и первое дѣло его было, послать за ними, и велѣть привести предъ себя.

Сагебъ, котораго безпокойство умножилось здѣланнымъ себѣ принужденіемъ, спѣшилъ неменьше уклониться отъ исполненныхъ уже дѣяній. Хотя дотолѣ считалъ онъ лютостію, осыпать Церира укореньямм во время, когда надлежало утѣшать его, но вознамѣрился уже нещадить его болѣе.

Онъ приблизился съ строгими взорами обезпокоеннаго дружества и оскорбленнаго разума; но немало замѣшался, нашедъ его лобзающа бѣдственную птицу, и слыша отъ него слѣдующія слова:

Не нарушай восхищенія души, мало пріобыкшей къ разуму. Я знаю все, что ты мнѣ сказать можешь; но утверждаю, что то, чего достигъ я моею дерзостію, стоитъ десяти таковыхъ королевствъ, которое ты храбростію своею и разумомъ спасъ отъ гибели. Вмѣсто распространенія о опасности, въ кою впалъ я, и пользахъ, кои получилъ бы Король Дилемскій, узнавъ мою особу, помоги мнѣ, другъ мой, помоги благодарить милостиваго духа хранителя, управлявшаго стопами моими, и разогнвешаго мглу, скрывавшую путь къ моему благополучію.

Перизада, божественная Перизада, есть Принцесса Наблестанская, дочь славнаго Рустема {*Рустемъ былъ Полководецъ Каяхалру или Кира, и очень славный ратникъ. Сей Ирой владѣлъ въ Дагестанѣ или Дрангіанѣ по Гречески, и въ Цаклетанѣ, по ихъ Арабхозіи. Онъ и предки его жалованы сими землями отъ Царей Иранскихъ, коимъ служили съ наслѣдною роду своему кроткостію.*}. Съ благоденствіемъ буду я обладать ея прелестями, и славою учинить союзъ съ славнѣйшимъ Ироемъ, каковыхъ только производила Азія. Дяй мнѣ по тому скорѣе подписать заключенный договоръ. Твоей премудрости оставляю я заботы онаго Произведенія въ дѣйство; а самъ лечу на крылахъ желанія въ отечество моей возлюбленной.

Какъ искусный кормчій уступаетъ, и дѣлаетъ объѣзды, когда прямой ходъ корабля не можетъ выдержать противнаго вѣтра, ни покорить волнъ

пѣнящагося моря, и тѣмъ не только избѣгаетъ кораблекрушенія, но вскорѣ впадаетъ на истинный путь. Равномѣрно Сагебъ. Онъ не возпротивился явно восторгамъ Церира, но и не оправдалъ оныхъ, а съ покорностію представилъ ему надобность, возставить миръ и благополучіе своего народа, прежде предложенія Перизадѣ своего престола, и явиться предъ ратника, который при томъ было добрый судія истинныя славы.

Рѣдко не достигаетъ успѣха средство принуждать страсти брать участіе въ дѣйствіяхъ разума Цериръ покорился; онъ приступилъ къ правиламъ Сагебовымъ съ искусствомъ и ревностію приличными его характеру, и намѣренію предъ очами находящимися.

Сагебъ въ переговорахъ своихъ съ Королемъ Дилемскимъ, не забылъ о пользахъ несчастной Ситары, и получилъ обнадеженія милостиваго принятія. Но Принцесса сія отъ брата своего со времени его плѣна видѣла толь презрительное обхожденіе, и вѣдая довольно неукротимый нравъ отца своего, заключила лучше скрыться.

Король Дилемскій ни мало не печалился о судьбѣ ея. Онъ оставилъ Карецмъ, ни единожды не припомянувъ ея имени, и какъ совѣты разбойниковъ, уже трепещущихъ разума Сагебова, такъ и необходимость, принудили его взять на всегда покорную, хотя весьма малодушную умѣренность.

Добрый Везиръ досель изъ должностей званія своего исполнялъ только тѣ, кои мало приличествуютъ къ благодѣтельному сердцу его. Возлюбленные добродѣтели онаго были только растуція на земли мира и онъ съ великимъ удовольствіемъ учинилъ расположеніе, сіи выполнять.

Первый предметъ привлекшій его примѣчаніе, были несчастныя жертвы брани, которымъ онъ немедленно искалъ помочь. Раненые, вдовы, сироты простирали къ нему моляція длани, и дѣлали сіе не бесплодно. какъ Королевская казна была изчерпана, доставлялъ онъ имъ нужности изъ собственнаго имѣнія, и примѣромъ своимъ получилъ вспоможеніе отъ жестокосерднѣйшихъ стражей богатства

Таковымъ же средствомъ учинился онъ въ состояніи, наградить Туранцовъ за ихъ помощь, и удовлетворить особливую несправедливости, къ коимъ подали поплзновеніе Церировы погрѣшности. Тотчасъ возстановилъ онъ равновѣсіе вѣсовъ правосудія, и слѣпая и неистовая страсть не возлагалась уже? въ чаши ихъ противу заслугъ и достоинствъ. онъ покровительствовалъ торги, оживилъ всенародную довѣренность, устроилъ нравы, и поспорилъ земледѣліе -- и такъ опустошенная земля въ краткое время получила новый и цвѣтуцій видъ.

Все добро сіе совершалось не токмо отъ имени Церирова, но Везиръ весьма тщился укрыть свое въ томъ участіе, столькожъ какъ другіе Министры іщутъ выставить себя на позорище благодарности. Онъ удалень былъ разлучать славу Короля отъ благоденствія народа; но старался

обыкновенный союзъ онаго укрѣпить крѣпчайшими цѣпями, какія только великодушіе и безкорыстованіе его изобрѣсти могли.

Но хотя искренное и благодарное сердце Церирова приносило небесамъ ежедневную жертву, за низпосланіе такового неоцѣненнаго друга; но не доставало ему инаго благодѣянія. Онъ не могъ подавишь воздыханія любви нетерпѣливья.

Сагетъ считалъ жребій свой счастливымъ, что должно ему только поправлять жестокою, но похвальную страсть въ своемъ Государѣ, а не противиться неистовствамъ и порокамъ тирана, и сказалъ на конецъ Цериру:

Какъ можетъ сынъ Великаго Логоразва, братъ Царя Иранскаго, въ разсужденіи природы своей толь знаменитый Государь, унижить достоинства свои, и подобно простому человѣку вступить въ исканіе, требующее всей пышности благородныя гордости. Въ чинѣ его таковыя низкіе шаги не могутъ извиниться ни страстьми, ни добродѣтелию.

Когда праводушіе преклонило тебя, толь неожиданымъ и покорнымъ образомъ, просить о мирѣ Короля Дилемскаго; то поступокъ твой въ этомъ случаѣ несвободенъ отъ осужденія, не взирая, что въ подданномъ твоёмъ заслуживалъ бы оный великую похвалу. Что будутъ говорить о непристойномъ дѣйстви, влагаемомъ въ тебя только любовію? Не прилично принятое уклоненіе суетствуесть въ успѣхѣ, и возбуждаетъ презрѣніе вмѣсто почтенія. Проливается ли величественное море искать рѣкъ, обыхшихъ въ заливахъ его искать прибѣжища?

Такъ отправимъ тотчасъ посла въ Цаблестанъ, вскричалъ Цериръ. Первое возходящее солнце должно его освѣтить на пути моихъ желаній. Вели въ послѣдующихъ за нимъ и подаркахъ, выразить о великости любви моей. Дай ему полную власть, доставишь щастіе мое, на какихъ бы ни было условіяхъ. Когда Принцъ Цалцеръ, какъ слышно, имѣетъ безпредѣльную власть надъ духомъ Рустемовымъ, и честолюбіе свое похочетъ удовольствоваться отъ брака сестры своей, пусть обѣщаютъ ему половину моего Королевства. Часть Карецма, которую онъ ни выберетъ, равна будетъ жребію старшаго брата его. Я на часть мою буду владѣть всѣмъ свѣтомъ въ Перизадѣ.

Такъ желаешь ты возлюбленную корысть сердца твоего ввѣрить инымъ рукамъ кромѣ дружескихъ?

Какъ! возопилъ Цериръ, великодушіе твое хочетъ сей драгій камень благополучія пріобщити къ чести пріобрѣтеннаго мнѣ тобою государства? Дерзну ли я предложеніе, восхищающее душу мою, принять съ опасностію, повергнутые въ пропасть, изъ которой ты меня извлекъ? Буду ли я въ состояніи выдержать двойное нападеніе моей нетерпѣливости, дожидаясь прибытія друга моего и любезныя?

Довѣренность твоя къ усердію моему, отвѣчалъ Сагебъ, подастъ крылья часамъ твоего ожиданія, и разумъ твой безъ сумнѣнія удержитъ въ правилахъ,-- которыя установили мы къ благоденствію твоихъ подданныхъ. Отдай мнѣ птицу Перитадину, дабы я успѣшилъ исполнить твои желанія.

Могу ли я разлучиться съ милымъ животнымъ, кричалъ Цериръ, которое мнѣ вмѣсто повѣреннаго и утѣшителя?

Можешь ли ты требовать и имѣть чувствительное сердце?

Ты довольно вѣдаешь, говорилъ Сагебъ, что любовь не безъизвѣстна моему сердцу; но я не имѣлъ ничего въ страсти моей, чтобъ дорого мнѣ было къ удовольствованію милаго предмета. Если правда, что рассказывали купцы, то Перизада во многихъ областяхъ Азіи обнародовала: кто принесетъ къ ней пропавшую любимую ея птицу, имѣетъ право требовать отъ ней милости въ награжденіи, кое только можетъ дозволить честь ея. Легко по сему можешь опредѣлить, какъ благодарна она будетъ тебѣ за сію болѣзненную тебѣ жертву, и коль изрядно приметъ посла твоего.

Цериръ воздохнулъ при словѣ семъ, и вручилъ ему птицу, которую Сагебъ просилъ по особливымъ причинамъ.

Везиръ вѣдалъ, что Цериръ не видалъ въ лицо Перизаду, и любовь его основывалась только на мечтательныхъ представленіяхъ, коимъ неудача могла имѣть слѣдствій, которымъ воспрепятствовать считалъ за свою должность.

Разумъ его изобрѣлъ уже къ тому средство, и онъ частію по сему основанію, отъ части же и за тѣмъ искалъ сего посольства, чтобъ не вывести на позоръ неистовыхъ страстей Короля своего, и быть обманутъ отъ коварнаго и своекорыстнаго каковаго нибудь Вельможи.

Какъ блескъ послѣдующихъ за нимъ доказывалъ чрезмѣрность любви Церировой, и полагалъ случай любопытно изслѣдовать слѣды его, то оставилъ онъ спутниковъ своихъ въ уединенной деревенькѣ на границахъ Цаблестанскихъ, и явился ко двору Рустемову простымъ человѣкомъ.

Въ видѣ семъ получилъ онъ допускъ въ кабинетъ Принцессы Перизады, вручилъ ей птицу, и сказалъ:

Принцесса, которыя имя почитаемо въ отдаленнѣйшихъ странахъ Азіи, прости воображенію раба твоего, и приклони къ прошенію его милостивый слухъ. Я ожидаю отъ твоего безпредѣльнаго великодушія въ награду моего предпріятого длиннаго и скучнаго пути платы, не землею или моремъ производимыя. У меня нѣтъ недостатка ни въ золотѣ, ни въ алмазахъ и дорогихъ камняхъ. Желаніе сердца моего клонится къ тому, чтобъ удивиться и восхвалить совершеннѣйшее твореніе небесъ, и на сей конецъ посмотрѣть, съ полностію духа соединенную красоту, коею ты, какъ мнѣ извѣстно, обладаешь.

Отъ сей рѣдкой прозбы остановилась на нѣсколько Перизада въ недвижимомъ и безмолвномъ замѣшательствѣ. На послѣдокъ

разсматривала благородный и скромный видъ, и разумныя слова въ Сагебѣ, и въ тожъ время необходимость исполнить обѣщаніе; по чему снявъ покрывало свое, сказала:

Я обязана, почтенный незнакомецъ исполнить твое желаніе, хотя не уповаю удовольствовать твое ожиданіе. Награди стыдъ мой моленіемъ къ той власти, которая ты желалъ видѣть частое искусство, чтобы духъ мой украшенъ былъ толикими добродѣтелями, сколько нужно къ моему совершенству.

Я молю, поклоняюсь сей всеильной власти, возопилъ Сагебъ съ восторгомъ, который вся его премудрость едва удерживала. Церирь, возлюбленный мой Церирь, можетъ будетъ щастливъ.

Сии неожиданные слова распространили на чистыхъ лилейныхъ щекахъ Перизадиныхъ свѣжія розы. Съ лазурнаго неба очей ея испустила душа ея лучи, подобныя сіянію солнца въ весеннее утро. Ея коральныя, отъ изумленія въ полъ открытыя, и тихимъ вздохомъ опять замкнутыя уста, скрыли блестящій жемчугъ моря Голкондскаго, и ея, подобная слоновой кости рука, привела облако стыдливости, окружающее все сокровище небесныхъ прелестей ея въ порядокъ.

Съ смѣшеніемъ радости и прискорбія разсматривалъ Сагебъ движенія, кои онъ произвелъ, и искалъ съ открытостію сердца духа возвышеннаго извлечь ея изъ замѣшательства. На сей конецъ объявилъ онъ ей побудительныя причины поступка своего, Церирову любовь, и возложенную на него Королемъ довѣренность

Перизада тронута была разумомъ Везиря. Притворство, которое большею частію въ полъ ея почитается за добродѣтель, считала она презрительнымъ. Она призналась въ склонности своей къ Цериру, совѣтовала Сагебу, появиться въ настоящемъ своемъ достоинствѣ, и прибавила смѣючись.

Ты благонадежно можешь вѣрить что я не запруся въ томъ, что моя нескромная птица открыла свѣту, и какъ сей неподозрительный наперстникъ, проболтался въ тайности мыслей моихъ: я постараюсь искать дать вамъ подтвержденіе требуемое добродѣтелю.

Сердце Сагебово наполнилось чистою радостію, которая объемлетъ жилище радости, когда приводитъ во оное нить мудрости и чести. Не медля слѣдовалъ онъ къ оставленнымъ своимъ, и возвратился съ оными ко двору Рустемову.

Вѣдая, что Принцъ Цалверъ въ отсутствіи, и предвидя надобность привести переговоры къ концу, доколь нечувствительное честолюбіе не положило препятствія, обратилъ онъ дарованіе краснорѣчія толь успѣшно, и отъ Принцессы толь хорошо подкрѣпленъ, что вскорѣ соглашенось на его требованіе, и оставилъ онъ Цаблестанъ съ неоцѣненнымъ сокровищемъ, коего искалъ, пославъ напередъ гонца къ Нериру, дабы приуготовить мятущуюся его душу къ часу его шастія.

Церирово восхищеніе при сей благополучной вѣдомости доказали, что прозорливость его Везиря при ономъ случаѣ толь же разумно, какъ и впрочемъ дѣйствовала; ибо приличное постоянство въ пылкомъ, но благородномъ сердцѣ можетъ скорѣе потрясено быть радостію, чѣмъ скорбію.

Однако восторги Церира были очень сильны, чтобъ могли быть продолжительны. Онимъ послѣдовала нѣжная скорѣбь, и въ томъ какъ подданные его о приближающемся щастіи торжествовали всенародныя празднества, онъ въ сладкомъ уединеніи любви считалъ минуты, оное промедлить могущія. Сонъ свою мирную надъ нимъ силу уступилъ безпокойствамъ очаровательныя надежды, и пламенные его воздыханія нагрѣвали хладный воздухъ ноши.

Въ одинъ прекрасный вечеръ остался онъ долѣе обыкновеннаго въ бесѣдкѣ пріятнаго своего сада, и слушалъ со вниманіемъ страстные пѣсни соловья; вдругъ проникли слухъ его звоны лютны, управляемой толь искусною рукою, что она въящце возбудила его согласныхъ перѣменъ голоса музыкальной птицы. Водимый движеніями сердца своего, приблизился онъ непримѣтно въ мѣсту, откуда происходилъ очаровательный звукъ, и нашель ея у воротъ близъ лѣжащаго саду, который отъ неосторожныхъ невольниковъ къ несчастію оставлень не запертъ

Осторожными шагами любопытства приблизился онъ къ бесѣдкѣ, которыя отверстіе приносило пріятный вечерній воздухъ дѣвицѣ, вкушающей удовольствіе прохладительнаго купанія и прелестей мусикии.

Хотя особа, играющая на лютнѣ, была величественная и пріятная женщина, но Цериръ не примѣчалъ ее, ниже тронуть былъ сладостною ея игрою. Очаровательный видъ не совершенно при тѣнившійся прозрачною водою, привлекъ всю душу его въ взоры его. Въ сравненіи молодости и красоты не можно уподобить ее лучше какъ съ розовымъ цвѣткамъ, разверстымъ утреннею росою, Какъ родъ того удивленія, кое предшествуетъ любви, удержалъ Церирову неукротимость; то взиралъ онъ въ восхитительной тишинѣ на новое солнце своихъ желаній, восходящее изъ жидкой стихіи, въ непомраченномъ своемъ и славномъ одѣяніи естественнаго блистанія и услышалъ гласъ истинныя пріятности, желающій нѣсколько взять отдыховенія, въ коемъ намѣрился онъ ей попрепятствовать.

Надзирательницы молодой Нимфы едва поудалились, и возлѣгла она на зеленой постелѣ, казавшейся быть стеблями прекрасныхъ цвѣтовъ, вошелъ туды влюбленный Король. Какъ любовь вліяла ему разсудокъ, онъ палъ смиренно на колѣна предъ прелестною хищницею непостоянныхъ своихъ склонностей, и ко упрежденію первыхъ движеній робости, открылъ ей имя свое и восхищеніе, и немало былъ тронуть, когда отвѣтствовано ему слѣдующимъ восклицаніемъ.

О небо! ужъ ли толико я щастлива видѣть любви достойнаго Короля Карецмскаго, Государя, весьма любимаго родителемъ моимъ? Могу ли я щедрыя лучи очей его привлекать къ себѣ, прежде нежели стекутся оныя, яко въ средней точкѣ, въ щастливой Принцессѣ Перизадѣ, или мечта только обманываешь легковерную Цулику?

Отъ сихъ изреченныхъ непритворною невинностию словъ, пришедь Церирь въ расположеніе, отказаться отъ Перизады устами, такъ какъ учинил то сердцемъ; но игравшая на лютнѣ женщина опять вошла туды, и съ огорченнымъ взглядомъ спрашивала о причинѣ толь неслыханнаго и непристойнаго нападенія

Но знаешь ли ты, дерзкая баба, кому говоришь ето? вскричалъ разгнѣванный Церирь.

Я желала бы не знать, отвѣтствовала она; ибо Гулруца всегда должна считать въ число несчастныхъ ея дней тотъ, въ который дружество Сагебово толь подло измѣнено, и видитъ Дочь сего достойнаго мужа поруганну Государемъ, толико ему обязаннымъ.

При наименованіи Гулруцы которую по ея невинодушному нраву содержалъ въ великомъ почтеніи, объять былъ Церирь подобострастіемъ, и желалъ доказать невинность своихъ намѣреній; но Гулруца, прервавъ его, сказала:

Ни время, ни мѣсто не приличествуютъ для сего изъясненія. Удались отсюда, Государь! почти кровлю твоего лучшаго, твоего единственнаго друга; почти самъ себя, и то, чѣмъ долженъ ты въ особѣ своей свѣту, и не принуждай женщину научать тебя твоей должности, и въ томъ, можетъ быть далѣе распространится, нежели ея собственная позволяетъ.

Сказавъ сіе, кликнула она невольницъ, ожидающихъ ея повеленій, прикалала отвести Цулику къ ея матери, удалилась сама, и оставила Церира добычею сражающихся страстей любви, гнѣва и стыда.

Въ семь умодвиженіи возвратился онъ во дворець свой, гдѣ тотчасъ нашель различіе между пріятною прелестию желаній позволенныхъ, и колючимъ терніемъ раскаянія, плодовъ любви запрещенныхъ. Но хотя честь, пристойность и кротость, укоряли въ непостоянствѣ сердце его, и припоминали о правѣ торжественнаго обрученія его съ Перизадою; но вскорѣ приведены въ молчаніе сильнѣйшимъ гласомъ воскипѣнія любовнаго. Сіе принудило его страстьми скованный разумъ, показать силу свою въ заключеніяхъ ложныхъ. Какъ? говорилъ онъ самъ въ себѣ, долженъ ли я стремиться къ состоянію совершенства, кое выше моей возможности? Душевное существо можетъ такъ любить, какъ я любилъ Перизаду; но тѣлесное должно любить, какъ я люблю Цулиму. Когда первое строеніе красоты на разумѣ учреждать въ состояніи, какъ учинилъ то я дерзостнымъ образомъ, такъ послѣднее рано или поздно докажетъ, что чувства, надежднѣйшіе путеводители слабыя его природы. По сему разрываю я узы,

кои связаль тонкій и неправильно приведенный помысль. Я совершу обязательство, къ которому влекутъ меня склонности, лучше сообразныя моей слабости, и можетъ соразмѣрныя моей обязанности. Когда возвыщу я Цулику на престоль, освобожу я себя отъ обязанностей противу отца ея, не предоставляя опасности моего щастія.

На таковое низкое и ложное заключеніе не взирая, не могъ Церирь совсѣмъ изгонять стыда поступка своего противу Перизады. Онъ страшился уже прибытія ея столькожъ какъ желалъ; ибо довольно вѣдалъ, что обычаи Азіатцовъ считаютъ за позоръ неудовлѣтвореный, есть ли отказать невестѣ, кою видѣлъ въ лице. Но затрудненіе сіе остановило его только на нѣсколькія мгновенія. Онъ писалъ къ Сагебу, выдумать какія нибудь причины, для коихъ бы отвести Перизаду обратно къ родителю ея, и заключилъ указъ свой въ строгихъ подтвержденіяхъ, не объясня побудительныхъ причинъ къ тому.

Потомъ послалъ къ нему услужливѣйшаго изъ своихъ придворныхъ, сказавъ:

Естьли ты поставляешь надежду въ милости моей, то спѣши на крылахъ честолюбія, и возпрепятствуй симъ повелѣніемъ возвращенію ненавистному Везиря моего.

Рабская мысль бываетъ склонна къ заблужденіямъ и чаяніямъ. Лъстецъ своего Государя имѣетъ тысячи зыбкихъ предумотреній; на которыя попеременно устремляетъ глаза свои, не увѣря себя различностію безуспѣшныхъ ожиданій; доколь напоследокъ своехотное рабство его обратится ему въ привычку, и не можетъ уже быть облегчаемо единими пріятными мечтами. Такъ посланный Церировъ усматривалъ въ замѣшательныхъ словахъ Государя своего немилость Сагебу, и собственное свое возвышеніе.

Оживляемый оными мыслями, былъ онъ расточителенъ въ доказаніи своея ревности, и продолжалъ путь свой съ таковою поспѣшностію, что Церирь началъ чувствовать оглушающую тишину мыслей, коя не должна бы производить отъ печальной бури въ произведеніи злаго предпріятія. вмѣсто чтобы неразумному сему Государю помыслить о несчастныхъ слѣдствіяхъ дерзостнаго своего вознамѣренія, онъ помышлялъ только о средствахъ, оныя выполнить. Чувствительность Ироя, каковъ Рустемъ, корыстное мщеніе, которое любочестный Цяцерь воспріиметъ по тому, были въ умѣ его не таковы важны, какъ препятствія, кои могутъ постановлены для него быть къ пламенному желанію его видѣть Цулику, отъ добродѣтельной строгости Сафиры, и великодушнаго неистовства Гулруцы.

Тогда еще нравы восточныхъ Монарховъ не взошли въ степень варварскаго Деспотства {*Деспотъ слово Греческое, но собственный смыслъ онаго не тотъ, въ каковомъ принято оное здѣсь къ выраженію Монарха, владеющаго неправедно,*

коего правленіе учреждается не по самовластію законовъ и пристойности, но по наклоненію худыхъ его склонностей и мучительства.}, съ котораго времени вошло презрѣніе къ женщинамъ. Еще прекрасный полъ не осужденъ былъ дикимъ безгѣдствомъ къ невольничеству, и слѣдственно не утратилъ власти своей, укрощать суровую природу мужчинъ. Но какъ высота Королевскаго достоинства достигла уже великой силы, то и Цериръ въ большей части повеленій своихъ желалъ быть послушаень, есть ли предпринималъ исполнить по знаменитости своей въ полатахъ отсутствующаго своего друга.

Но ему осталась токмо умѣренная дорога, и склонность его, равно какъ и корысть, учинили его вознамѣренна, сему послѣдовать! Онъ отложилъ право Короля, и представилъ себя другомъ любви достойной супругѣ Сагеровой.

Сафира, немогущая отвергнуть нежелаемую честь, приняла съ кроткимъ почитаніемъ то, отъ чего другія нижайшаго состоянія, вмѣсто чтобъ унизить себя, возвысили бы личное свое достоинство, и въ гордость чина таковаго вложили напыщеніе. Она внимала Цериру съ холодною воздержностію, она не возражала противу его предпріятія, не оказала согласія въ намѣреніи его; но на упорность его видѣтъ Цулику, отвѣтствовала съ очаровательно сладкимъ голосомъ:

Великодушный Государь, не принуждай меня покоришься твоимъ желаніямъ, и не требуй, чтобъ во время, когда твой Везиръ исполняешь противу тебя должности нѣжнѣйшаго дружества, я забыла мои супружественныя обязанности, и безъ его воли учинила что либо оскорбительное чести и покою дома его. Когда... чего однако я не ожидаю... Когда повелитъ онъ Цуликъ, нарушить ея обѣщанную вѣрность Елиху, сыну своего почтеннаго друга Морада, такъ какъ намѣрень учинить ты съ Принцессою Перизадою, дщерію великаго Густема: то я покорюсь его волѣ. Но до толь не предоставляю я неискусному оку юности ослѣпляющія прелести Величества, и истинное сердце искушеніамъ любви достойныхъ свойствъ.

Цериръ не слыхалъ послѣднихъ словъ Сафириныхъ. Съ мгновенія, какъ началъ ужасаться оно склонности Цуликиной при наименованіи совмѣстинка, ревность лишила его употребленія чувствъ. Наконецъ вскричалъ онъ:

И такъ, дерзкая Гулруца, подъ одеждою великодушія скрыла собственную корысть. Но я научу ее, каковое преступленіе есть обманывать Короля своего. Я казню ее и съ сыномъ, что осмѣлилась они оспоривать мнѣ сердце Цуликино, естли не покажутъ мнѣ идола тающихъ очей моихъ, и жизнь моя не приметъ опредѣленіе въ щастіе или бѣдствію своему изъ возлюбленныхъ устенъ ея.

Сафира не могла противустать симъ угрозамъ. Нѣжность ея къ другинѣ своей, почтеніе къ Церировой чести, изобразили мыслямъ ея бѣду первыя, и

стыдъ послѣдняго толь живыми красками, что она тотчасъ приказала позвать Цулику.

Робкія, но непритворственная красавица приблизилась трепетными шагами и худо скрытою радостію. Видъ ее обезоружилъ Церировъ гнѣвъ, и онъ спросилъ:

О прекраснѣйшія изъ пола твоего! не обманула ли ты меня? Не ложную ли надежду вліяли въ меня лестныя слова твои? Любишь ли ты Елиха? -- -- Мнѣ приказали любить его, отвѣтствовала застыдившаяся и незрѣлая дѣвица; но приказъ сей, коему неохотно я повиновалась, сталъ мученіемъ души моей съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла я Короля Карецмскаго.

Я разрываю сей недостойный узелъ, вскричалъ Цериръ. Природа не за тѣмъ произвела тебя толь совершенною, чтобъ быть въ рабствѣ. Власть надъ свѣтомъ недостаточна еще для небесной красоты твоей, и благороднаго твоего чистосердечія. Да я клянусь....

Удержись, Государь! впала въ слова его Сафира, не изрекай толь поспѣшной клятвы, и естли пользы твои недостаточны умѣрить толь опасные восторги: то помысли, о! помысли о бѣдствіяхъ, въ которыя повергаешь ты друзей своихъ и подданныхъ несправедливостію противу Принцессы Цаблестанскія.

Прежде сойду я съ престола моего, нежели посажу на оный съ совою Перизаду, возгласилъ влюбленный Цериръ. Сіе торжественно обѣщаю я Цуликѣ, и чтобъ сберечься тебѣ отъ безпокойства, кое возбуждаетъ присутствіе мое въ цѣломудренномъ, но съ лишкомъ боязливомъ твоемъ сердцѣ: то не налагай принужденія на благосклонныя расположенія, кои питаетъ ко мнѣ дочь твоя, по коль отецъ ея, и другъ мой разсудить прю общаго нашего благополучія.

Сказавъ сіе, отшелъ онъ, оставя Сафиру понуренну стыдомъ и скорбію. Опершаяся на софу, простерла она разверстыя объятія къ Гулруцѣ, вошедшей къ ней съ утѣшительнымъ видомъ склонности. Цулика поверглась къ ногамъ ихъ, схватила руки ихъ вопія:

Чѣмъ оскорбила я тебя, возлюбленная матушка, что огорчаешься ты столько о щастіи судьбы моей? Гулруца можетъ тогда жалѣть о сынѣ своемъ, когда онъ продолжитъ любить меня; но естли невольница наша Руска, которой ввѣрила ты вожденіе юности моей, удовлетворила твоимъ ожиданіямъ, что вложила въ меня благородную гордость; то въ самомъ дѣлѣ, должно вамъ радоваться, сидя меня приближенну къ состоянію, заслуживаемому моими совершенствами, и близъ короны, по которой воздыхаетъ сердце мое, больше для даятеля, чѣмъ для даемаго, коль ни безконечно оно драгоцѣнно.

При сей особой рѣчи взирали Сафира и Гулруца изумленно другъ на друга. Они сѣтовали о безразсудствѣ родителей, довѣряющихъ сокровища, отъ природы имъ вверѣнныя рукамъ рабовъ, и предоставляющихъ

невинныя нравы чадъ своихъ опасности, быть испорченными отъ дурныхъ склонностей поддородныхъ и худо воспитанныхъ учителей. Но бесполезно было, что Сафира, побѣдя стыдъ заслуженнаго замѣшательства своего, открывала Цуликѣ ошибку ея, и ища оную поправить. Работа освободиться опасной склонности, когда укрѣплена оная страстію, не есть трудъ нѣсколькихъ мгновений. Доброе дерево чрезъ многія годы худые плоды носить, доколь поправится погрѣшность сіе прививаніемъ.

Въ тонъ, какъ Сафира провождая дни въ горести собственнаго себя обвиненія, укорилъ себя Сагѣбъ высокоуміемъ, что снялъ бремя, пещися о всеобщемъ добрѣ подъ развращенною властію. Онъ получилъ письмо Церирова, и былъ чуднымъ повелѣніемъ во ономъ заключеннымъ, столькожъ пораженъ какъ и замѣшанъ.

Въ продолжительномъ пути имѣлъ онъ ежедневные случаи, познавать болѣе и болѣе преизрядный нравъ Перизады. Онъ увѣренъ сталъ, что прелести и добродѣтели души ея весьма превосходили красоту ея особы. Онъ былъ повѣренный цѣломудреннаго ея сердца, толь преизящными чувствованіями одареннаго, что считалъ за невозможное, что бы Цериръ, владѣя толь изобильными источниками божія благословенія, не былъ потопленъ, восхитительнымъ благополучіемъ, радующимся содержанію истиннаго удовольствія.

По сей сладостной надеждѣ слѣдовало страшное прозерцаніе неминуемыя войны къ вѣчному сраму Монарха, о коемъ питалъ лестныя помышленія, что будетъ онъ удивленіемъ временъ своихъ, и образцомъ потомству. На него возложили непріязненное исполненіе, натянуть лукъ измѣны противу Принцессы, кою почитилъ онъ существомъ вышеестественнымъ, пронзить нѣжную душу ея стрѣлою поноснаго вѣроломства, и при всѣхъ злахъ таковыхъ сражаться съ собою, чтобы покориться своенравію, за коимъ послѣдуетъ осень раскаянія.

Послѣдняя мысль сія привела оторопленный духъ его къ заключенію. Какъ несвѣдома ему была новая страсть Церирова, не сумнѣвался онъ, что присутствіе Перизады исцѣлитъ страждущій его разумъ. Онъ чаялъ, что должность друга извинить непослушаніе добровольнаго подданнаго, и продолжалъ путь свой къ Карецму, скрывая по возможности мрачную непогоду сію отъ Принцессы; ибо надѣялся, что первые лучи ихъ взаимной любовь вливающихся очей пресѣкутъ ту сами.

Подлодушный придворный, насадившій уже желанія честолюбія своего на вершинѣ добраго послѣдства, страшился естественнаго перевѣса, который имѣетъ премудрость надъ коварнымъ и подлымъ ухищреніемъ. Онъ возмущился Сагѣбовымъ вознамѣреніемъ. Но какъ по щастію не зналъ онъ части приказанія, касающагося до Перизады: то буря обращенныхъ къ выслугѣ его угрозъ пала только на мнимаго его соперника въ

благосклонности щастія, коему при отъѣздѣ своемъ возвѣстилъ жесточайшую казнь.

Великій духъ при повелительномъ голосѣ угрозъ не можетъ быть отвращенъ отъ добраго предпріятія. Везирь шествовалъ съ ободреннымъ доказательствомъ, что онъ все дѣлаетъ для добраго общаго; или лучше сказать, его вело Провидѣніе, коего совѣты предопредѣлили Сагеба въ доводъ тому, что когда Государи вообще достойны сожалѣнія, имѣя при себѣ злыхъ Министровъ, то добродѣтельный и чистосердечный мужъ достоинъ онаго больше, естли заступаетъ у Монарха, коего сердце еще и менѣе повреждено, толь трудное и опасное мѣсто.

КОНЕЦЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ.